

**Владимир
Высоцкий**

МЫ ВРАЩАЕМ ЗЕМЛЮ

ЗНАКИ ЗОДИАКА

КЛИЧ ГЛАШАТАЕВ

КАЛЕЙДОСКОП

СПОРТ-СПОРТ

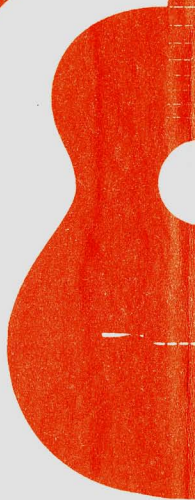
ЗАНОЗЫ

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

БЕГ ИНОХОДЦА

МОЙ ГАМЛЕТ

Владимир
ВЫСОЦКИЙ

1973

**Владимир
ВЫСОЦКИЙ**

ВЕРВ

СТИХИ

Чебоксары
Чувашское книжное
издательство
1990

ББК 84Р7-5
В 93

В 4702010200-106 16—90
М 136 (03)—90

- © Издательство «Современник», 1981 г.
- © Издательство «Современник», 1982 г.,
с уточнениями.
- © Издательство «Современник», 1988 г.
- © Чувашское книжное издательство 1989 г
- © Чувашское книжное издательство, 1990 г

Оформление.

ISBN 5-7670-0139-1

Эта книга — не песенник.

Хотя, составляя ее и перечитывая стихи Владимира Высоцкого, я все время слышал его голос. За каждой строкой слышал, за каждым словом.

И даже тогда, когда мне встречались абсолютно незнакомые стихи, все равно где-то далеко в глубине возникала и звучала мелодия. И голос Высоцкого звучал. Голос, который продолжает жить..

Давно уже замечено, что когда умирает известный человек, то число его «посмертных друзей» сразу же начинает бешено расти, в несколько раз превышая количество друзей реальных, тех, которые были при жизни.

И объяснить это явление, в общем-то, можно: ведь всегда находятся люди, жаждущие погреться в лучах чьей-нибудь славы — хотя бы и посмертной. Тем более что обладатель этой славы уже не в силах никому возразить, не в силах что-либо опровергнуть.

Поэтому и витийствуют в табачном дыму застолий новоявленные «близкие друзья» и «закадычные приятели», поэтому они и «вспоминают»: «Шли мы как-то с Владимиром Высоцким по Басманной », или «Забегаю это я однажды к Высоцкому, а он мне и говорит. .», или — еще хлеще: «А с Володькой мы были — водой не разольешь!». »

Я знаю, как много таких «вспоминателей» объявилось теперь у Высоцкого. Ну да бог с ними, пусть потешатся! Я — не о них.

Я — о том, что у Высоцкого и у его песен и в самом деле великое множество истинных, серьезных друзей! Тех

самых друзей, ради которых он работал и для которых жил.

Наверное, у каждого человека, знакомого с песенным творчеством Владимира Высоцкого, есть, так сказать, «свой собственный Высоцкий», есть песни, которые нравятся больше других. Нравятся потому, что они чем-то роднее, ближе, убедительнее.

«Свой Высоцкий» есть и у меня.

Был такой вроде бы неплохой фильм — «Вертикаль». Был и прошел. А песни, написанные Владимиром Высоцким для этого фильма, остались.

Были еще фильмы, были спектакли, которые «озвучивал» Высоцкий, и очень часто песни, созданные им, оказывались как бы на несколько размеров больше самого фильма или спектакля. Каждый раз у этих песен начиналась своя отдельная (и очень интересная!) жизнь. Они сразу же шли к людям, шли, будто бы минуя экран или сцену.

И особенно ясно это понимаешь, когда вслушиваешься в песни, написанные Владимиром Высоцким о войне...

Почему все не так? Вроде — все как всегда:
то же небо — опять голубое,
тот же лес, тот же воздух и та же вода...
Только он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
он всегда говорил про другое,
он мне спать не давал, он с восходом вставал,
а вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь, — не про то разговор:
вдруг заметил я — нас было двое...
Для меня словно ветром задуло костер,
когда он не вернулся из боя.

Нам и места в землянке хватало вполне,
нам и время — текло для обоих...
Все теперь — одному. Только кажется мне,
это я не вернулся из боя.

На мой взгляд, песня «Он не вернулся из боя» — одна из главных в творчестве Высоцкого. В ней, помимо интонационной и психологической достоверности, есть и ответ на вопрос: почему поэт, человек, который по своему возрасту явно не мог принимать участия в войне, все-таки пишет о ней, более того — не может не писать?

А все дело в судьбе. В твоей личной судьбе, которая начинается вовсе не в момент рождения человека, а гораздо раньше. В личной человеческой судьбе, которая никогда не бывает чем-то отдельным, обособленным от других людских судеб. Она, твоя судьба, — часть общей, огромной судьбы твоего народа. И существуешь ты на земле, продолжая не только собственных родителей, но и многих других людей. Тех, которые жили до тебя. Тех, которые когда-то защитили твой первый вздох, первый крик, первый шаг по земле.

Песни Высоцкого о войне — это, прежде всего, песни очень настоящих людей. Людей из плоти и крови. Сильных, усталых, мужественных, добрых.

Таким людям можно доверить и собственную жизнь, и Родину. Такие не подведут.

Сегодня не слышно биенье сердец —
оно для аллей и беседок.

Я падаю, грудью хватая свинец,
подумать успев напоследок:

«На этот раз мне не вернуться,
я ухожу — придет другой».
Мы не успели, не успели, не успели оглянуться,
а сыновья, а сыновья уходят в бой.

Именно так и продолжается жизнь, продолжается общая судьба и общее дело людей. Именно так и переходят от родителей к детям самые значительные, самые высокие понятия...

У Владимира Высоцкого есть песни, которые чем-то похожи на роли. Роли из никем не поставленных и — более того — никем еще не написанных пьес.

Пьесы с такими ролями, конечно, могли бы быть написаны, могли бы появиться на сцене. Пусть не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра. Но дело в том, что ждать до завтра Высоцкий не хотел. Он хотел играть эти роли сегодня, сейчас, немедленно! И потому сочинял их сам, сам был режиссером и исполнителем.

Он торопился, примерял на себя одежды, характеры и судьбы других людей — смешных и серьезных, практичных и бесшабашных, реальных и выдуманных. Он влезал в их заботы, проблемы, профессии и жизненные принципы, демонстрировал их способ мыслить и манеру говорить. Он импровизировал, увлекался, преувеличивал, был дерзок и насмешлив, дразнил и разоблачал, одобрял и поддерживал.

Причем все это он делал так талантливо, так убедительно, что иные слушатели даже путали его с теми персонажами, которых он изображал в своих песнях. Путали и — восторгались. Путали и — недоумевали.

А Высоцкий вроде бы и не обращал на это никакого внимания. Он снова и снова выходил на сцену, продолжал сочинять и петь свои — всегда неожиданные, разноплановые, злободневные — «песни-роли». И в общем-то это уже были не роли, а, скорее, — целые пьесы со своими неповторимыми характерами, непридуманскими конфликтами, точно выстроенным сюжетом.

Исполняя их, Высоцкий мог быть таким грохочущим, таким штормовым и бушующим, что людям, сидящим в зале, приходилось, будто от сильного ветра, закрывать глаза и втягивать головы в плечи. И казалось: еще секунда — и рухнет потолок, и взорвутся динамики, не выдержав напряжения, а сам Высоцкий упадет, задохнется, умрет прямо на сцене... Казалось: на таком нервном накале невозможно петь, нельзя дышать!

А он пел. Он дышал.

Зато следующая его песня могла быть погрязающе тихой. И от этого она еще больше заедала в душу.

Высоцкий, который только что казался пульсирующим сгустком нервов, вдруг становился воплощением возвышенного спокойствия, становился человеком, постигшим все тайны бытия. И каждое слово звучало по-особому трепетно:

Я поля влюбленным постелю —
пусть поют во сне и наяву!..
Я дышу, и значит — я люблю!
Я люблю, и значит — я живу!

Высоцкий пробовал себя в разных интонациях, он искал для своих «пьес» все новые и новые краски, новые детали, и потому его песни имеют несколько авторских вариантов, изменений, сокращений. И в этом — тоже он, Высоцкий,— его натура, его неудовлетворенность собой, его способ творчества.

Можно сказать, что дверь в его «творческую лабораторию» была постоянно распахнута. Он был весь на виду. Со всеми своими удачами и неудачами, находками и проколами, сомнениями и убежденностью.

Он написал много песен. И, конечно, не все они равные.

Но это всегда — неровность дороги, ведущей к постижению истины, к открытию людей и, значит,— к открытию самого себя...

Он никогда не пел свои песни свысока, никогда не стоял над зрителями, над слушателями. И эстрада (впрочем, так же, как и сцена, и съемочная площадка) была для него не пьедесталом, а местом, откуда его просто-напросто лучше видно и лучше слышно. А еще она была местом его работы. Работы — с полной самоотдачей. На износ. Всегда и во всем...

Много раз я слышал, как его песни исполняли другие — порою очень хорошие — певцы. Не могу сказать, что эти певцы недостаточно старались. Нет, они вкладывали в каждую песню все свое умение, весь свой темперамент и опыт!

А песня все равно получалась какой-то другой, разученной, взятой напрокат. Она — будто одежда с чужого плеча — то морщила на спине, то жала в груди, а то вообще расплзалась по швам.

И дело тут даже не в своеобразной исполнительской манере Высоцкого. Ведь в конце концов любую манеру можно скопировать.

Манеру — можно, а душу — нельзя...

Он был невероятно популярен. Достать билет на его выступление было намного труднее, чем «пробиться» летом в сочинскую или ялтинскую гостиницу.

Но если для нормальных людей Владимир Высоцкий был своим, был близким, необходимым и любимым актером, то для мешанствующих снобов он, прежде всего, был «модным».

Я ненавижу публику так называемых «престижных» премьер.

Не всю, конечно, публику, а ее самодовольную (кстати, не такую уж и малочисленную) — снобистскую часть. Ненавижу типов, которые появляются на премьерах вовсе не потому, что в каждом первом спектакле (или концерте) есть, как в рождении ребенка, какая-то щемлящая торжественность, соединение боли и радости, достигнутого и недостижимого.

Нет, быть на премьере — для снобов не самое главное, для них главное — попасть туда! Попасть, чего бы это ни стоило, «отметиться», хотя бы только для того, чтобы после обзвонить «не попавших»: «Как, вы не были?! Ну-у, много потеряли!.. Там была такая-то с таким-то... И этот был... И та... Нет, честное слово, жалко, что вас не было! Мы, например, всегда ходим...»

Именно такие мешанствующие снобы распускали о Высоцком нелепые, почти фантастические сплетни и слухи, и в то же самое время заискивали и лебезили перед ним. О, как им хотелось, чтобы он — Высоцкий — стал бы и

для них «своим в доску», «рубашкой-парнем», закадычным «дружком-приятелем»!

А он ненавидел мещан. И снобов — презирал. Любых.

Недаром есть у него горькая и злая песня, которая заканчивается такими словами:

Не надо подходить к чужим столам
и отзываться, если окликают.

Однако когда Владимира Высоцкого окликали не снобы, а люди — просто люди — он поворачивался к ним охотно, поворачивался всем корпусом и отзывался всем сердцем!

Вспомните, к примеру, его «сказочные песни». Те самые, которые он писал для «Алисы в стране чудес», для кинофильма «Иван да Марья» и просто так — для себя.

Дети, общаясь со взрослыми, моментально распознают, кто из взрослых с ними — на равных, а кто только «прикидывается» ребенком.

Так вот, сочиняя свои «детские сказочные песни», Владимир Высоцкий ребенком никогда не прикидывался. Он просто был им.

За хриплым напряженным голосом и жесткой манерой пения до поры до времени скрывалась восторженная и добрая ребячья душа, прятался человек, гораздый на выдумку и озорство, умеющий верить в чудо и создавать его...

Догонит ли в воздухе — или шалишь —
летучая кошка летучую мышь,
собака летучая — кошку летучую?..

Эти «вечные вопросы» детства задает себе Алиса, и слезы ее текут конечно же — в «Слезовитый океан»...

А вот как трогательно и вместе с тем категорично звучит серенада влюбленного Соловья-разбойника из другой — более взрослой — сказки:

Выходи, я тебе посвищу серенаду!
Кто тебе серенаду еще посвистит?
Сутки кряду могу, до упаду,
если муза меня посетит.

Я пока еще только шутю и шалю,
я пока на себя не похож,
я обиду терплю,
но когда я вспылю,
я дворец подпилю,
подлалю,
развалю,
если ты на балкон не придешь...

Ну, кто, по-вашему, сможет устоять перед такими доводами влюбленного? Да никто на свете!..

В одной из «сказочных песен» Высоцкий задает вопрос, удивительный по своей «детскости» и мудрости:

...что остается от сказки потом —
после того, как ее рассказали?..

А действительно — что?

Могу сказать: когда я впервые услышал эти песни, у меня долго не проходило какое-то особое ощущение свежести, улыбки, доброты. И я еще больше поверил в истину: даже тогда, когда в начале сказки все «страшно, аж жуть!», — в конце ее все страхи обязательно исчезают, там непременно светит солнце и торжествует добро!

Так что, после того как сказку рассказали, остается очень многое. В том числе и чисто профессиональное уважение к Высоцкому. Ведь по этим стихам видно, как радостно он работал над ними, буквально «купаясь» в теме! Я даже вижу, как он улыбался, записывая лихие, частушечные, виртуозно сделанные строки:

Много тыщ имеет кто —
тратьте тыщи те:
даже то — не знаю что —
здесь отыщете!

Так поют скоморохи на сказочной ярмарке. А вот как начинается клич царских глашатаев:

Если кровь у кого горяча —
саблей бей, пикой лихо коли!
Царь дарует вам шубу с плеча
из естественной выхухоли...

Такого раскованного и — одновременно — точного обращения со словом, непринужденного владения разговорными интонациями в стихах добиться очень трудно. А Высоцкий добивался.

Но он умел быть не только добрым. И не только покладистым.

Когда некоторые «весьма специфические» зарубежные доброхоты пробовали его «на излом», то Высоцкий, оставаясь самим собой, разговаривал с ними жестко и однозначно. Родину свою в обиду он не давал никому.

Помню, как в октябре 1977 года группа советских поэтов приехала в Париж для участия в большом вечере поэзии. Компания подобралась достаточно солидная: К. Симонов, Е. Евтушенко, О. Сулейменов, Б. Окуджава, В. Коротич, М. Сергеев, Р. Давоян. Был в нашей группе и Владимир Высоцкий.

Устроители вечера явно сэкономили на рекламе. Точнее, она отсутствовала напрочь! И конечно же нам говорили: «Стихи?! В Париже?! Абсурд!.. Вот увидите — никто не придет!..»

Мы увидели. Пришли две с половиной тысячи человек.

Высоцкий выступал последним. Но это его выступление нельзя было назвать точкой в конце долгого и явно удавшегося вечера, потому что это была никакая не точка, а яростный и мощный восклицательный знак!..

Так кем же все-таки был — Владимир Высоцкий? Кем он был больше всего? Актером? Поэтом? Певцом?

Я не знаю.

Знаю только, что он был личностью. Явлением. И факт этот в доказательствах уже не нуждается... Высоцкий продолжает свою жизнь. Его сегодня можно услышать в городских многоэтажках и сельских клубах, на огромных стройках и на маленьких полярных станциях, в рабочих общежитиях и в геологических партиях.

Вместе с нашими кораблями песни Высоцкого уходят в плавание по морям и океанам нашей планеты. Вместе с самолетами взмывают в небо. А однажды даже из космоса донеслось:

Если друг оказался вдруг
и не друг и не враг, а — так...
Если сразу не разберешь,
плох он или хорош,—
парня в горы тяни — рискни!
Не бросай одного его!
Пусть он в связке одной с тобой —
там поймешь, кто такой...

Эту песню пел звездный дуэт космонавтов в составе В. Коваленка и А. Иванченкова. И надо сказать, что здесь все было на высоте — и песня, и исполнение!..

Лучшие песни Владимира Высоцкого — для жизни. Они — друзья людей. В песнях этих есть то, что может поддержать тебя в трудную минуту, — есть неистощимая сила, непоказная нежность и размах души человеческой.

А еще в них есть память. Память пройденных дорог и промчавшихся лет. Наша с вами память .

Когда-то он написал:

...Но кажется мне, не уйдем мы с гитарой
на заслуженный и нежеланный покой...

Правильно написал!

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ПЕСНЯ ПЕВЦА У МИКРОФОНА

*Я весь в свету, доступен всем глазам.
Я приступил к привычной процедуре:
я к микрофону встал, как к образам...
Нет-нет, сегодня — точно к амбразуре!*

*И микрофону я не по нутру —
да, голос мой любому опостылет.
Уверен, если где-то я совру —
он ложь мою безжалостно усилит.*

*Бьют лучи от рампы мне под ребра,
лупят фонари в лицо недобро,
и слепят с боков прожектора,
и — жара!.. Жара!*

*Он, бестия, потоньше остря.
Слух безотказен, слышит фальшь до йоты.
Ему плевать, что не в ударе я,
но пусть я честно выпеваю ноты.*

*Сегодня я особенно хриплю,
но изменить тональность не рискую.
Ведь если я душою покривлю —
он ни за что не выпрямит кривую.*

*На шее гибкой этот микрофон
своей змеиной головою вертит.
Лишь только замолчу — ужалит он,—
я должен петь до одури, до смерти!*

*Не шевелись, не двигайся, не смей,
Я видел жало — ты змея, я знаю!
И я сегодня — заклинатель змей,
я не пою — я кобру заклинаю.*

*Прожорлив он, и с жадностью птенца
он изо рта выхватывает звуки.
Он в лоб мне вlepит девять грамм свинца.
Рук не поднять — гитара вяжет руки!*

*Опять!.. Не будет этому конца!
Что есть мой микрофон — кто мне ответит?
Теперь он — как лампада у лица,
но я не свят, и микрофон не светит.*

*Мелодии мои попроще гамм,
но лишь сбиваюсь с искреннего тона —
мне сразу больно хлещет по щекам
недвижимая тень от микрофона.*

*Я освещен, доступен всем глазам.
Чего мне ждать — затишья или бури?
Я к микрофону встал, как к образам...
Нет-нет, сегодня точно — к амбразуре!*

Мы ВРАЩАЕМ
ЗЕМЛЮ

ИЗ ДОРОЖНОГО ДНЕВНИКА

Ожидание длилось,
а проводы были недолги —
пожелали друзья:
«В добрый путь! Чтобы — все без помех!»
И четыре страны
предо мной расстелили дороги,
и четыре границы
шлагбаумы подняли вверх.

Тени голых берез
добровольно легли под колеса,
залоснилось шоссе
и штыком заострилось вдали.
Вечный смертник — комар
разбивался у самого носа,
превращая стекло лобовое
в картину Дали.

Сколько смелых мазков
на причудливом мертвом покрове,
сколько серых мозгов
и комарьих раздавленных плевр!
Вот взорвался один,
до отвала напившийся крови,
ярко-красным пятном
завершая дорожный шедевр.

И сумбурные мысли,
лениво стучавшие в темя,

всколыхнулись во мне —
пу попробуй-ка останови!
И в машину ко мне
постучало военное время —
я впустил это время,
замешанное на крови.

И сейчас же в кабину
глаза из бинтов заглянули
и спросили: «Куда ты?
На Запад? Вертайся назад!..»
Я ответить не смог,—
по обшивке царапнули пули,
я услышал: «Ложись!
Берегись! Проскочили! Бомбят!»

Этот первый налет
оказался не так чтобы очень:
схоронили кого-то,
прикрыв его кипой газет,
вышли чьи-то фигуры —
назад, на шоссе — из обочин,
как лет тридцать спустя,
на машину мою поглазеть.

И исчезло шоссе —
мой единственно верный фарватер.
Только — елей стволы
без обрубленных минами крон.
Бестелесный поток
обтекал не спеша радиатор.
Я за сутки пути
не продвинулся ни на микрон.

Я уснул за рулем.
Я давно разомлел до зевоты.

Ущипнуть себя за ухо
или глаза протереть?
В кресле рядом с собой
я увидел сержанта пехоты.
«Ишь трофейная пакость,— сказал он,—
удобно сидеть...»

Мы поели с сержантом
домашних котлет и редиски.
Он опять удивился:
откуда такое в войну?
«Я, браток,— говорит,—
восемь дней как позавтракал в Минске.
Ну, спасибо, езжай!
Будет время — опять загляну...»

Он ушел на восток
со своим поредевшим отрядом.
Снова мирное время
в кабину вошло сквозь броню.
Это время глядело
единственной женщиной рядом.
И она мне сказала:
«Устал! Отдохни — я сменю!»

Все в порядке. На месте.
Мы едем к границе. Нас двое.
Тридцать лет отделяет
от только что виденных встреч.
Вот забегали щетки,
отмыли стекло лобовое —
мы увидели знаки,
что призваны предостеречь.

Кроме редких ухабов,
ничто на войну не похоже.

Только лес — молодой,
да сквозь снова налипшую грязь
два огромных штыка
полоснули морозом по коже,
остриями — по-мирному —
кверху, а не накренься.

Здесь, на трассе прямой,
мне,
не знавшему пуль,
показалось,
что и я где-то здесь
довоевывал невдалеке.
Потому для меня
и шоссе, словно штык, заострилось,
и лохмотия свастик
болтались на этом штыке.

О МОЕМ СТАРШИНЕ

Я помню райвоенкомат.
«В десант не годен — так-то, брат.
Таким, как ты, там непротык...» И дальше — смех:
мол, из тебя какой солдат,
тебя — хоть сразу в медсанбат!..
А из меня такой солдат, как изо всех.

А на войне — как на войне.
А мне и вовсе, мне — вдвойне.
Прилипла к телу гимнастерка на спине.
Я отставал, сбил в строю...
Но как-то раз в одном бою,
не знаю чем — я приглянулся старшине.

...Шумит окопная братва:
«Студент! А сколько дважды два?
Эй, холостой, а правда графом был Толстой?
И кто евоная жена?..»
Но тут встревал мой старшина:
«Иди поспи, ты ж не святой, а утром — бой».

И только раз, когда я встал
во весь свой рост, он мне сказал:
«Ложись!..»— и дальше пару слов без падежей.
К чему, мол, дырка в голове?!
И вдруг спросил: «А что, в Москве,—
неужто вправду есть дома в пять этажей?»

Над нами — шквал! Он застонал —
и в нем осколок остывал,
и на вопрос его ответить я не смог.
он в землю лег — за пять шагов,
за пять ночей и за пять снов —
лицом на Запад и ногами на Восток.

ЧЕРНЫЕ БУШЛАТЫ

Евпаторийскому десанту

За нашей спиной остались паденья, закаты,—
ну хоть бы ничтожный, ну хоть бы невидимый взлет!
Мне хочется думать, что черные наши бушлаты
дадут нам возможность сегодня увидеть восход.

Сегодня на людях сказали: «Умрите геройски!»
Попробуем, ладно, увидим, какой оборот...
Я только подумал, чужие куря папироски:
тут — кто как умеет, мне важно — увидеть восход.

Особая рота — особый почет для сапера.
Не прыгайте с финкой на спину мою из ветвей,
напрасно стараться — я и с перерезанным горлом
сегодня увижу восход до развязки своей.

Прошли по тылам мы, держась, чтоб не резать их,
сонных,
и вдруг я заметил, когда прокусили проход:
еще несмышленый, зеленый, но чуткий подсолнух
уже повернулся верхушкой своей на восход.

За нашей спиною в шесть тридцать остались, я знаю,
не только паденья, закаты, но взлет и восход.
Два провода голых, зубами скрипя, зачищаю.
Восхода не видел, но понял: вот-вот и взойдет!

Уходит обратно
на нас поредевшая
рота.

Что было — не важно, а важен лишь взорванный форт.
Мне хочется верить, что грубая наша работа
вам дарит возможность беспощинно видеть восход.

ВЫСОТА

Вцепились они в высоту, как в свое.
Огонь минометный, шквальный...
А мы все лезли толпой на нее,
как на буфет вокзальный.

Ползли к высоте в огневой полосе,
бежали и снова ложились,
как будто на этой высотке вдруг все
дороги и судьбы скрестились.

И крики «ура!» застывали во рту,
когда мы пули глотали.
Семь раз занимали мы тѹ высоту,
семь раз мы ее оставляли.

И снова в атаку не хочется всем,
земля — как горелая каша...
В восьмой раз возьмем мы ее насовсем —
свое возьмем,
 кровное,
 наше.

А может, ее стороной обойти?
И что мы к ней прицепились?!
Но, видно, уж точно — все судьбы-пути
на этой высоте скрестились.

Все наши деревни, леса, города
в одну высоту эту слились —
в одну высоту, на которой тогда
пути наши, судьбы скрестились.

Вцепились они в высоту, как в свое,
огнем высоту поливая,
а мы упрямо ползли на нее,
товарищей оставляя.

* * *

Мерцал закат, как блеск клинка.
Свою добычу смерть считала.
Бой будет завтра, а пока —
взвод зарывался в облака
и уходил по перевалу.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там..
Ведь это наши горы,
они помогут нам.
Они
помогут нам!

А до войны вот этот склон
немецкий парень брал с тобою.
Он падал вниз, но был спасен,
а вот сейчас, быть может, он
свой автомат готовит к бою.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там..
Ведь это наши горы,
они помогут нам.
Они
помогут нам!

Ты снова тут, ты собран весь.
Ты ждешь заветного сигнала.
И парень тот — он тоже здесь,
среди стрелков из «Эдельвейс».
Их надо сбросить с перевала.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там..
Ведь это наши горы,
они помогут нам.
Они
помогут нам!

Взвод лезет вверх, а у реки —
тот, с кем ходил ты раньше в паре.

Мы ждем атаки до тоски,
а вог альпийские стрелки —
сегодня что-то не в ударе.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы,
они помогут нам.
Они
помогут нам!

РАССТРЕЛ ГОРНОГО ЭХА

В гиши перевала, где скалы ветрам не помеха,
на кручах таких, на какие никто не проник,
жило-поживало веселое горное, горное эхо,
оно отзывалось на крик — человеческий крик.

Когда одиночество комом подкатит под горло,
и сдавленный стон еле слышно в обрыв упадет,
крик этот о помощи эхо подхватит, подхватит проворно,
усилит и бережно — в руки своих — донесет.

Должно быть, не люди, напившись дурмана и зелья,
чтоб не был услышан никем громкий топот и храп,
пришли умертвить, обеззвучить живое, живое ущелье,
и эхо связали, и в рот ему всунули кляп.

Всю ночь продолжалась кровавая злая потеха,
и эхо топтали, но звука никто не слышал,
К утру расстреляли притихшее горное, горное эхо,
и брызнули камни, как слезы, из раненых скал...

РАЗВЕДКА БОЕМ

Я стою. Стою спиною к строю.
Только добровольцы — шаг вперед.
Нужно провести разведку боем.
Для чего — да кто ж там разберет...

Кто со мной? С кем идти?
Так, Борисов... Так, Леонов...
И еще этот тип
из второго батальона!

Мы ползем, к ромашкам припадая.
Ну-ка, старшина, не отставай!
Ведь на фронте два передних края:
наш, а вот он — их передний край.

Кто со мной? С кем идти?
Так, Борисов... Так, Леонов...
Да!.. Еще этот тип
из второго батальона!

Проволоку грызли без опаски —
ночь, темно и не видать ни зги.
В двадцати шагах — чужие каски
(с той же целью — защитити мовги)

Кто со мной? С кем идти?
Здесь Борисов, здесь Леонов.
Ох, еще этот тип
из второго батальона!

Скоро будет *Надя с шоколадом.*
В шесть они подавят нас огнем.
Хорошо, нам этого и надо.
С богом, потихонечку начнем.

С кем обратно идти?
Так, Борисов... Где Леонов?!
Эй, ты жив?! Эй, ты тип
из второго батальона!

Пулю для себя не оставляю.
Дзот накрыт, и рассекречен дот.
Этот тип, которого не знаю.
очень хорошо себя ведет.

С кем в другой раз ползти?
Где Борисов? Где Леонов?
Правда, жив этот тип
из второго батальона.

На НП, наверное, в восторге,
но фуражки сняли из-за нас.
Правильно. Считай, что двое в
морге,
двое остаются про запас.

С кем еще раз ползти?
Где Борисов? Где Леонов?
Рядом лишь этот тип
из второго батальона.

Я стою спокойно перед строем.
В этот раз стою к нему лицом.
Кажется, чего-то удостоен,—
награжден и назван молодцом.

С кем в другой раз идти?!
Где Борисов? Где Леонов?
И парнишка затих
из второго батальона.

ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ

Почему все не так? Вроде — все как всегда:
то же небо — опять голубое,
тот же лес, тот же воздух и та же вода...
Только он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
в наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас,
когда он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
он всегда говорил про другое,
он мне спать не давал, он с восходом вставал,
а вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь,— не про то разговор:
вдруг заметил я — нас было двое...
Для меня словно ветром задуло костер,
когда он не вернулся из боя.

Нынче вырвалось — будто из плена весна —
но ошибке окликнул его я:
«Друг, оставь покурить!» — а в ответ — тишина...
Он вчера не вернулся из боя.

Наши мертвые нас не оставят в беде,
наши павшие — как часовые...
Отражается небо в лесу, как в воде, —
и деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
нам и время — текло для обоих...
Все теперь — одному. Только кажется мне,
это я не вернулся из боя.

ЗВЕЗДЫ

Мне этот бой не забыть никак —
смертью пропитан воздух,
а с небосклона бесшумным дождем
падали звезды.

Вон снова упала — и я загадал:
выйти живым из боя...
Так свою жизнь я поспешно связал
с глупой звездой.

Я уж решил: миновала беда
и удалось отвертеться...
Но с неба свалилась шальная звезда —
прямо под сердце.

Нам говорили: «Нужна высота!»
и «Не жалеть патроны!»...
Вон покати́лась вторая звезда
вам на погоны.

Звезд этих в небе, как рыбы в прудах,
хватит на всех с лихвою.
Если б не насмерть, ходил бы тогда
тоже — Героем.

Я бы звезду эту сыну отдал,
просто — на память...
В небе висит, пропадает звезда —
некуда падать.

ПЕСНЯ О ГОСПИТАЛЕ

Жил я с матерью и батей
на Арбате — здесь бы так!
А теперь я в медсанбате —
на кровати, весь в бинтах...
Что нам слава, что нам Клава —
медсестра — и белый свет!..
Помер мой сосед, что справа,
тот, что слева, — еще нет.

И однажды, как в угаре,
тот сосед, что слева, мне
вдруг сказал: «Послушай, парень,
у тебя ноги-то нет».
Как же так, неправда, братцы,
он, наверно, пошутил!

«Мы отрежем только пальцы» —
так мне доктор говорил.

Но сосед, который слева,
все смеялся, все шутил.
Даже если ночью бредил —
все про ногу говорил.
Издевался: мол, не встанешь,
не увидишь, мол, жены,
поглядел бы ты, товарищ,
на себя со стороны. .

Если б был я не калека
и слезал с кровати вниз,
я б тому, который слева,
просто глотку перегрыз!
Умолял сестричку Клаву
показать, какой я стал .
Был бы жив сосед, что справа,—
он бы правду мне сказал

ПЕСНЯ О НОВОМ ВРЕМЕНИ

Как призывный набат, прозвучали в ночи тяжело шаги,—
значит, скоро и нам — уходить и прощаться без слов.
По нехоженным тропам протопали лошади, лошади,
неизвестно к какому концу унося седоков.

Наше время иное, лихое, но счастье, как встарь, нищи!
И в погоню летим мы за ним, убегающим, вслед.
Только вот в этой скачке теряем мы лучших товарищей,
на скаку не заметив, что рядом — товарищей нет.

И еще будем долго огни принимать за пожары мы,
будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов,
про войну будут детские игры с названьями старыми,
и людей будем долго делить на своих и врагов.

А когда отгрохочет, когда отгорит и отплачется,
и когда наши кони устанут под нами скакать,
и когда наши девушки сменят шинели на платьица,—
не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять...

АИСТЫ

Небо этого дня —
ясное,
но теперь в нем — броня
лязгает.

А по нашей земле —
гул стоит,
и деревья в смоле,—
грустно им.

Дым и пепел встают —
как кресты.

Гнезд по крышам не вьют
аисты.

Колос — в цвет янтаря:
успеем ли?

Нет Выходит, мы зря
сеяли.

Что ж там, цветом в янтарь,
светится?

Это в поле пожар
мечется.

Разбрелись все от бед
в стороны...
Певчих птиц больше нет —
вороны!

И деревья в пыли —
к осени.
Те, кто песни могли, —
бросили.
И любовь не для нас, —
верно ведь,
что нужнее сейчас
ненависть!

Дым и пепел встают —
как кресты.
Гнезд по крышам не вьют
аисты.

И земля и вода —
стонами.
Правда, лес, как всегда, —
кронами.
Только больше чудес —
аукает
довоенными лес
звуками.

Побрели все от бед
на восток,
певчих птиц больше нет,
нет аистов.

Воздух звуки хранит
разные,
но теперь в нем гремит,
лязгает.

Даже цокот копыт —
топотом,
если кто закричит —
шелотом.

Побрели все от бед
на восток,—
и над крышами нет
аистов...

ПЕСНЯ ЛЕТЧИКА

Их восемь, нас — двое. Расклад перед боем
не наш, но мы будем играть.
Сережа, держись! Нам не светит с тобою,
но козыри надо равнять.

Я этот небесный квадрат не покину,
мне цифры сейчас не важны:
сегодня мой друг защищает мне спину,
а значит — и шансы равны.

Мне в хвост вышел «мессер», но вот задымил он,
надсадно завыли винты.
Им даже не надо крестов на могилы,—
сойдут и на крыльях кресты.

Я — «Первый», я — «Первый», они под тобою,
я вышел им наперерез ..
Сбей пламя, уйди в облака, я прикрою!..
В бою не бывает чудес.

Сергей, ты горишь! Уповай, человеке,
теперь на надежность строп.
Нет, поздно — и мне вышел «мессер» навстречу.
Прощай, я приму его в лоб!..

Я знаю, другие сведут с ними счета..
Но, по облакам скользя,
взлетят наши души, как два самолета,—
ведь им друг без друга нельзя.

Архангел нам скажет: «В раю будет туго»
Но только ворота — шелк,
мы Бога попросим: «Впишите нас с другом
в какой-нибудь ангельский полк».

И я попрошу Бога, Духа и Сына,
чтоб выполнил волю мою:
пусть вечно мой друг защищает мне спину,
как в этом последнем бою.

Мы крылья и стрелы попросим у Бога,
ведь нужен им ангел-ас.
А если у них истребителей много —
пусть пишут в хранители нас.

Хранить — это дело почетное тоже,—
удачу нести на крыле
таким, как при жизни мы были с Сережей,—
и в воздухе и на земле.

ПЕСНЯ САМОЛЕТА-ИСТРЕБИТЕЛЯ

Я — «ЯК», истребитель. Мотор мой звенит,
Небо — моя обитель.
Но тот, который во мне сидит,
считает, что он — истребитель.

В этом бою мною «юнкерс» сбит,—
я сделал с ним, что хотел.
Но тот, который во мне сидит,
изрядно мне надоел.

Я в прошлом бою навывлет прошит,
меня механик заштопал,—
но тот, который во мне сидит,
опять заставляет — в штопор.

Из бомбардировщика бомба несет
смерть аэродрому,
а кажется, стабилизатор поет:
«Мир вашему дому!»

Вот сзади заходит ко мне «мессершмитт».
Уйду — я устал от ран.
Но тот, который во мне сидит,
я вижу, решил — на таран!

Что делает он! Вот сейчас будет взрыв!..
Но мне не сгореть на песке,—
запреты и скорости все перекрыв,
я выхожу из пике.

Я — главный. А сзади... Ну чтоб я сгорел!
Где же он, мой ведомый?!

Вот он задымился, кивнул — и запел:
«Мир вашему дому!»

И тот, который в моем черепке,
остался один — и влип.
Меня в заблуждение он ввел, и в пике —
прямо из мертвой петли.

Он рвет на себя — и нагрузки вдвойне.
Эх, тоже мне летчик-ас!..
И снова приходится слушаться мне, —
но это в последний раз.

Я больше не буду покорным, клянусь,
уж лучше лежать на земле!..
Ну что ж он не слышит, как бесится пульс:
бензин — моя кровь — на нуле!

Терпению машины бывает предел,
и время его истекло.
И тот, который во мне сидел,
вдруг ткнулся лицом в стекло.

Убит! Наконец-то! Лечу налегке,
последние силы жгу.
Но что это, что?! Я в глубоком пике —
и выйти никак не могу!

Досадно, что сам я не много успел,
но пусть повезет другому.
Выходит, и я напоследок спел:
«Мир вашему дому!»

* * *

Я полмира почти через злые бои
прошагал и прополз с батальоном,
а обратно меня за заслуги мои
санитарным везли эшелоном.

Подвезли на родимый порог —
на полуторке к самому дому.
Я стоял и немел, а над крышей дымок
подымался совсем по-другому.

Окна словно боялись в глаза мне взглянуть,
и хозяйка не рада солдату —
не припала в слезах на могучую грудь,
а руками всплеснула — и в хату.

И залаяли псы на цепях.
Я шагнул в полутемные сени,
за чужое за что-то запнулся в сенях,
дверь рванул — подкосились колени.

Там сидел за столом, да на месте моем,
неприветливый новый хозяин.
И фуфайка на нем, и хозяйка при нем, —
потому я и псами облаян.

Это значит, пока под огнем
я спешил, ни минуты не весел,
он все вещи в доме переставил моем
и по-своему все перевесил.

Мы ходили под богом — под богом войны,
артиллерия нас накрывала.
Но смертельная рана нашла со спины
и изменою в сердце застряла.

Я себя в пояснице согнул,
силу воли позвал на подмогу:
«Извините, товарищи, что завернул
по ошибке к чужому порогу...»

Дескать, мир да любовь вам, да хлеба на стол,
чтоб согласье по дому ходило...
Ну а он даже ухом в ответ не повел:
вроде так и положено было.

Зашатался некрашенный пол,
я не хлопнул дверьми, как когда-то,—
только окна раскрылись, когда я ушел,
и взглянули мне вслед виновато...

ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ

Кто сказал: «Все сгорело дотла,
больше в землю не бросите семя...»,
кто сказал, что Земля умерла?
Нет, она затаилась на время...

Материнства не взять у Земли,
не отнять, как не вычерпать моря.
Кто поверил, что Землю сожгли?
Нет, она почернела от горя.

Как разрезы, траншеи легли,
и воронки — как раны зияют.
Обнаженные нервы Земли
неземное страдание знают.

Она вынесет все, переждет,
не записывай Землю в калеки.
Кто сказал, что Земля не поет,
что она замолчала навеки?!

Нет! Звенит она, стоны глуша,
изо всех своих ран, из отдушин,
ведь Земля — это наша душа,
сапогами не втоптать душу.

Кто сказал, что Земля умерла?
Нет, она затаилась на время...

СЫНОВЬЯ УХОДЯТ В БОЙ

Сегодня не слышно биенье сердец —
оно для аллей и беседок.
Я падаю, грудью хватая свинец,
подумать успев напоследок:

«На этот раз мне не вернуться,
я уйду — придет другой».
Мы не успели, не успели, не успели оглянуться,
а сыновья, а сыновья уходят в бой.

Вот кто-то решив: «После нас — хоть потоп»,
как в пропасть, шагнул из окопа.
А я для того свой покинул окоп,
чтоб не было вовсе потопа.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
я крепко обнимусь с землей.

Мы не успели, не успели, не успели оглянуться,
а сыновья, а сыновья уходят в бой.

Кто сменит меня, кто в атаку пойдет,
кто выйдет к заветному мосту?
И мне захотелось: пусть будет вон тот,
одетый во все не по росту.

Я успеваю улыбнуться,
я видел, кто придет за мной.
Мы не успели, не успели, не успели оглянуться,
а сыновья, а сыновья уходят в бой.

Разрывы глушили биенье сердец,
мое же — мне громко стучало,
что все же конец мой — еще не конец:
конец — это чье-то начало.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
я крепко обнимусь с землей.
Мы не успели, не успели, не успели оглянуться,
а сыновья, а сыновья уходят в бой.

МЫ ВРАЩАЕМ ЗЕМЛЮ

От границы мы Землю вертели назад
(было дело сначала).
Но обратно ее закрутил наш комбат,
оттолкнувшись ногой от Урала.

Наконец-то нам дали приказ наступать,
отбирать наши пяди и крохи,—
но мы помним, как солнце отправилось вспять
и едва не зашло на Востоке.

Мы не меряем Землю шагами,
понапрасну цветы теребя,
мы толкаем ее сапогами —
от себя! От себя.

И от ветра с Востока пригнулись стога,
жметя к скалам отара.
Ось земную мы сдвинули без рычага,
изменив направленья удара.

Не пугайтесь, когда не на месте закат,
Судный день — это сказки для старших,
просто Землю вращают, куда захотят,
наши сменные роты на марше.

Мы ползем, бугорки обнимаем,
кочки тискаем — зло, не любя,
и коленями Землю толкаем —
от себя! От себя.

Здесь никто б не нашел, даже если б хотел,
руки кверху поднявших.
Всем живым ощутимая польза от тел:
как прикрытье используем павших.

Этот глупый свинец всех ли сразу найдет,
где настигнет — в упор или с тыла?
Кто-то там впереди навалился на дот,—
и Земля на мгновенье застыла.

Я ступни свои сзади оставил,
мимоходом по мертвым скорбя.
Шар земной я вращаю локтями —
на себя! На себя!

Кто-то встал в полный рост и, отвесив поклон,
принял пулю на вдохе.

Но на Запад, на Запад ползет батальон,
чтобы солнце взошло на Востоке.

Животом по грязи... Дышим смрадом болот ..

Но глаза закрываем на запах.

Нынче по небу солнце нормально идет,
потому что мы рвемся на Запад.

Руки, ноги на месте ли, нет ли,—
как на свадьбе, росу пригубя,
Землю тянем зубами за стебли —
на себя! На себя!

БЕЛЫЙ ВАЛЬС

Какой был бал! Накал движенья, звука, нервов,—
сердца стучали на три счета вместо двух.

К тому же дамы приглашали кавалеров
на белый вальс традиционный,— и захватывало дух.

Ты сам, хотя танцуешь с горем пополам,
давно решил пригласить ее одну...
Но вечно надо отлучаться по делам,
спешить на помощь, собираться на войну.

И вот все ближе, все реальней становясь,
она, к которой подойти намеревался,
идет сама, чтоб пригласить тебя на вальс,
и кровь в виски твои стучится в ритме вальса.

Ты внешне спокоен
среди шумного бала,
но тень за тобою
тебя выдавала —
металась, дрожала, ломалась она
в зыбком свете свечей.
И, бережно держа
и бешено кружа,
ты мог бы провести ее по лезвию ножа.
Не стой же ты руки сложа,
сам не свой и — ничей.

Был белый вальс — конец сомненья маловеров
и завершенье юных снов, забав, утех.
Сегодня дамы приглашали кавалеров
не потому, не потому, что мало храбрости у тех.

Возведены на время бала в званье дам,
и кружит головы нам вальс, как в старину.
Но вечно надо отлучаться по делам,
спешить на помощь, собраться на войну.

Белее снега, белый вальс, кружись, кружись,
чтоб снегопад подольше не прервался.
Она пришла, чтоб пригласить тебя на жизнь,
и ты был бел — бледнее стен, белее вальса.

Где б ни был бал — в Лицее, в Доме офицеров,
в дворцовой зале, в школе — как тебе везло!
В России дамы приглашали кавалеров
во все века на белый вальс, и было все белым-бело.

Потупя взоры, не смотря по сторонам,
через отчаянье, молчанье, тишину
спешили женщины прийти на помощь нам.
Их бальный зад — величиной во всю страну.

Куда бы ни бросило тебя, где б ни исчез,
припомни вальс, как был ты бел — и улыбнешься.
Век будут ждать тебя — и с моря и с небес —
и пригласят на белый вальс, когда вернешься.

Ты внешне спокоен
сред шумного бала,
но тень за тобою
тебя выдавала —
металась, дрожала, ломалась она
в зыбком свете свечей.
И, бережно держа
и бешено кружа,
ты мог бы провести ее по лезвию ножа.
Не стой же ты руки сложа,
сам не свой и — ничей.

МЫ ВАС ЖДЕМ

Так случилось — мужчины ушли,
побросали посевы до срока.
Вот их больше не видно из окон,
растворились в дорожной пыли.
Вытекают из колоса зерна —
эти слезы несжатых полей,—
и холодные ветры проворно
потекли из щелей...

Мы вас ждем — торопите коней!
В добрый час, в добрый час, в добрый час!..
Пусть попутные ветры не бьют,
а ласкают вам спины..
А потом возвращайтесь скорей:

ивы плачут по вас,
и без ваших улыбок
бледнеют и сохнут рябины.

Мы в высоких живем теремах —
входа нет никому в эти зданья:
одинокость и ожиданье
вместо вас поселились в домах.
Потеряла и свежесть и прелесть
белизна ненадетых рубах.
Да и старые песни приелись —
и навязли в зубах.

Все единою болью болит,
и звучит с каждым днем непрестанней
вековечный надрыв причитаний
отголоском старинных молитв.
Мы вас встретим и пеших, и конных,
утомленных, нецелых — любых...
Только б не пустота похоронных,
не предчувствия их!

Мы вас ждем — торопите коней!
В добрый час, в добрый час, в добрый час!..
Пусть попутные ветры не бьют,
а ласкают вам спины...
А потом возвращайтесь скорей,
ибо плачут по вас,
и без ваших улыбок
бледнеют и сохнут рябины..

ПЕСНЯ О КОНЦЕ ВОЙНЫ

Сбивают из досок столы во дворе,
пока не накрыли — стучат в домино.
Дни в мае длиннее ночей в декабре,
и тянется время — но все решено.

Уже довоенные лампы горят вполнакала,
из окон на пленных глазела Москва свысока...
А где-то солдатиков в сердце осколком толкало,
а где-то разведчикам надо добыть «языка».

Вот уже обновляют знамена и строят в колонны.
И булыжник на площади чист, как паркет на полу...
А все же на запад идут, и идут, и идут батальоны,
и над похоронкой заходятся бабы в тылу.

Не выпито всласть родниковой воды,
не куплено впрок обручальных колец —
все смыло потоком великой беды,
которой приходит конец наконец!

Со стекол содрали кресты из полосок бумаги,
и шторы — долой! Затемненье уже ни к чему...
А где-нибудь спирт раздают перед боем из фляги,
он все выгоняет — и холод, и страх, и чуму.

Вот уже очищают от копоти свечек иконы,
и душа и уста — и молитвы творят, и стихи...
Но с красным крестом все идут, и идут, и идут эшелоны,
а вроде по сводкам потери не так велика.

Уже зацветают повсюду сады.
И землю прогрело, и воду во рвах.
И скоро награда за ратны труды —
подушка из свежей травы в головах.

Уже не маячат над городом аэростаты.
Замолкли сирены, готовясь победу трубить...
Но ротные все-таки выйти успеют в комбаты,
которого все еще запросто могут убить.

Вот уже зазвучали трофейные аккордеоны,
вот и клятвы слышны — жить в согласье, любви,
без долгов...

А все же на запад идут, и идут, и идут эшелоны,
а нам показалось — почти не осталось врагов.

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

На братских могилах не ставят крестов
и вдовы на них не рыдают.
К ним кто-то приносит букеты цветов,
и Вечный огонь зажигают.

Здесь раньше вставала земля на дыбы,
а нынче — гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы —
все судьбы в единую слиты.

А в Вечном огне — видишь вспыхнувший танк,
горящие русские хаты,

горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
горящее сердце солдата.

У братских могил нет заплаканных вдов —
сюда ходят люди покрепче.

На братских могилах не ставят крестов. .

Но разве от этого легче?!

НАКИ
ЗОДИАКА

К ВЕРШИНЕ

Памяти М. Хершани

Ты идешь по кромке ледника,
взгляд не отрывая от вершины.
Горы спят, вдыхая облака,
выдыхая снежные лавины.

Но они с тебя не сводят глаз,
будто бы тебе покой обещан,
предостерегая всякий раз
камнепадом и оскалом трещин.

Горы знают, к ним пришла беда:
дымом затянуло перевалы.
Ты не отличал еще тогда
от разрывов горные обвалы.

Если ты о помощи просил —
громким эхом отзывались скалы,
ветер по ущельям разносил
эхо гор, как радиосигналы.

И когда шел бой за перевал, —
чтобы не был ты врагом замечен, —
каждый камень грудью прикрывал,
скалы сами подставляли плечи.

Ложь, что умный в горы не пойдет!
Ты пошел — ты не поверил слухам!
И мягчал гранит, и таял лед,
и туман у ног стелился пухом...

Если в вечный снег навеки ты
ляжешь — над тобою, как над близким,
наклонятся горные хребты
самым прочным в мире обелиском.

ГОРНАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

Ну вот, исчезла дрожь в руках,
теперь — наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх
навек, навек.
Для остановки нет причин —
иду, скользя...
И в мире нет таких вершин,
что взять нельзя!

Среди нехоженных путей
один путь — мой!
Среди невзятых рубежей
один — за мной!
А имена тех, кто здесь лег,
снега таят...
Среди непройденных дорог
одна — моя!

Здесь голубым сияньем льдов
весь склон облит,
и тайну чьих-нибудь следов
гранит хранит...
А я гляжу в свою мечту —
поверх голов,
и свято верю в чистоту —
снегов и слов!

И пусть пройдет немалый срок —
мне не забыть,
что здесь сомнения я смог
в себе убить.
В тот день шептала мне вода:
«Удач — всегда!..»
А день, какой был день тогда?
Ах да — среда!..

ПЕСНЯ О ДРУГЕ

Если друг оказался вдруг
и не друг и не враг — а так...
Если сразу не разберешь,
плох он или хорош, —
парня в горы тяни — рискни!
Не бросай одного его!
Пусть он в связке одной с тобой —
там поймешь, кто такой.

Если парень у тебя — не друг,
если сразу разберешь — не друг,

шаг ступил на ледник и — сник,
оступился — и в крик, —
значит, рядом с тобой — чужой.
Ты его не брани — гони:
вверх таких не берут, и тут
про таких не поют.

Если ж он не скулил, не ныл,
пусть он хмур был и зол, но — шел,
а когда ты упал со скал,
он стонал, но — держал;
если шел он с тобой, как в бой,
на вершине стоял, хмельной, —
значит, как на себя самого,
положись на него.

ВЕРШИНА

Здесь вам не равнина, здесь климат иной —
идут лавины одна за одной,
и здесь за камнепадом ревет камнепад.
И можно свернуть, обрыв обогнуть, —
но мы выбираем трудный путь,
опасный, как военная тропа.

Кто здесь не бывал, кто не рисковал —
тот сам себя не испытал,
пусть даже внизу он звезды хватал с небес.
Внизу не встретишь, как ни тянись,
за всю свою счастливую жизнь
десятой доли таких красот и чудес.

Нет алых роз и траурных лент,
и не похож на монумент
тот камень, что покой тебе подарил.
Как Вечным огнем, сверкает днем
вершина изумрудным льдом,
которую ты так и не покорил.

И пусть говорят, да, пусть говорят,
но — нет, никто не гибнет зря!
Так лучше — чем от водки и от простуд.
Другие придут, сменив уют
на риск и непомерный труд,—
придут тобой не пройденный маршрут.

Отвесные стены... А ну — не зевай!
Ты здесь на везение не уповай,—
в горах не надежны ни камень, ни лед, ни скала.
Надеемся только на крепкость рук,
на руки друга и вбитый крюк
и молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубим ступени... Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
и сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони — ты счастлив и нем!
И только немного завидуешь тем —
другим, у которых вершина еще впереди.

ПРОЩАНИЕ С ГОРАМИ

В суету городов и в потоки машин
возвращаемся мы — просто некуда деться!
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
оставляя в горах, оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры —
я себе уже все доказал:
лучше гор могут быть только горы —
на которых еще не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один,
кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!
Но спускаемся мы с покоренных вершин...
Что же делать — и боги спускались на землю.

Так оставьте ненужные споры —
я себе уже все доказал:
лучше гор могут быть только горы —
на которых еще не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
горы будят у нас — и зовут нас остаться.
Но спускаемся мы — кто на год, кто совсем,
потому что всегда мы должны возвращаться.

Так оставьте ненужные споры —
я себе уже все доказал:
лучше гор могут быть только горы,
на которых никто не бывал!

Заказана погода нам удачею самой,
довольно футов нам под киль обещано,
и небо поделилось с океаном синевой —
две синевы у горизонта скрещены.

Не правда ли, морской хмельной невиданный простор
сродни горам в безумье, буйстве, кротости;
седые гривы волн чисты, как снег на пиках гор,
и впадины меж ними — словно пропасти...

Служение стихиям не терпит суеты.
К двум полюсам ведет меридиан.
Благословенны вечные хребты!
Благословен Великий океан!

Нам сам Великий Случай — брат, Везение — сестра,
хотя — на всякий случай — мы встревожены.
На суше пожелали нам «ни пуха ни пера»,
созвездья к нам прекрасно расположены.

Мы все —впередсмотрящие, все начали с азов,
и если у кого-то невезение —
меняем курс, идем на SOS, как там, в горах,— на зов,
на помощь, прерывая восхождение.

Служение стихиям не терпит суеты.
К двум полюсам ведет меридиан.
Благословенны вечные хребты!
Благословен Великий океан!

Потери подсчитаем мы, когда пройдет гроза,
не сединой, а солью убеленные,
скупая океанская огромная слеза
умоет наши лица просветленные.

Взята вершина, клотики вонзились в небеса.
С небес на землю — только на мгновение.
Едва закончив рейс, мы поднимаем паруса —
и снова начинаем восхождение.

Служение стихиям не терпит суеты.
К двум полюсам ведет меридиан.
Благословенны вечные хребты!
Благословен Великий океан!

* * *

Мы говорим не «штормы», а «шторма» —
слова выходят коротки и смачны.
«Ветра» — не «ветры» — сводят нас с ума,
из палуб выкорчевывая мачты.

Мы на приметы наложили вето,
мы чтим чутье компасов и носов.
Упругие тугие мышцы ветра
натягивают кожу парусов.

На чаше звездных подлинных Весов
седой Нептун судьбу решает нашу,
и стая псов, голодных Гончих Псов,
надсадно воя, гонит нас на Чашу.

Мы — призрак легендарного корвета,
качаемся в созвездии Весов.
И словно заострились струи ветра
и вспарывают кожу парусов.

По курсу — тень другого корабля.
Он шел и в штормы хода не снижая.
Глядите: вон болтается петля
на рее, по повешенным скучая.

С ним провиденье поступило круто:
лишь вечный шгиль — и прерван ход часов,
попутный ветер словно бес попутал —
он больше не находит парусов.

Нам кажется, мы слышим чей-то зов —
таинственные четкие сигналы.
Не жажда славы, гонок и призов
бросает нас на гребни и на скалы.

Изведать то, чего не ведал сроду, —
глазами, ртом и кожей пить простор!..
Кто в океане видит только воду,
тот на земле не замечает гор.

Пой, ураган, нам злые песни в уши,
под череп проникай и в мысли лезь,
лей звездный дождь, вселяя в наши души
землей и морем вечную болезнь.

ПИРАТСКАЯ

На судне бунт. Над нами чайки реют.
Вчера — из-за дублонов золотых —
двух негодяев вздернули на рею.
Но мало — нужно было четверых!

Ловите ветер всеми парусами!
К чему гадать?! Любой корабль — враг.
Удача — миф. Но эту веру сами
мы создали, поднявши черный флаг!

Катился ком по кораблю от бака,
забыто все — и честь и кутежи.
И, подвывая (может быть, от страха),
они достали длинные ножи.

Вот двое в капитана пальцем тычут —
достать его! — и им не страшен черт!
Но капитан вчерашнюю добычу
при всей команде выбросил за борт.

И вот волна, подобная надгробью,
все смыла, с горла сброшена рука!
Бросайте ж за борт все, что пахнет кровью,
и верьте, что цена невысока!

Ловите ветер всеми парусами!
К чему гадать?! Любой корабль — враг.
Удача — здесь! И эту веру сами
мы создали, поднявши черный флаг!

* * *

Упрямо я стремлюсь ко дну:
дыханье рвется, давит уши...
Зачем иду на глубину —
чем плохо было мне на суше?

Там, на земле,— и стол и дом
Там — я и пел и надрываюсь .
Я плавал все же — хоть с трудом,
но на поверхности держался.

Линяют страсти под луной
в обыденной воздушной жиже,
а я врываю в мир иной.
тем невозвратнее — чем ниже

Дышу я непривычно — ртом.
Среда бурлит — плевать на среду!
Я погружаюсь, и притом —
быстрее, в пику Архимеду.

Я потерял ориентир —
но вспомнил сказки, сны и мифы:
я открываю новый мир,
пройдя коралловые рифы.

Коралловые города...
В них многорыбно, но — не шумно:
нема подводная среда,
и многоцветна, и разумна.

Где ты, чудовищная мгла,
которой матери страшат?
Светло — хотя ни факелá,
ни солнца мглу не освещают!

Все гениальное и не-
допонятое — всплеск и шалость.
Спаслось и скрылось в глубине —
все, что гналось и запрещалось.

Дай бог, я все же дотону,
не дам им долго залежаться!
И я вгребаясь в глубину,
и — все труднее погружаться.

Под черепом — могильный звон,
давление мне хребет ломает,
вода выталкивает вон,
и — глубина не принимает.

Я снял с острой карабин,
но камень взял (не обессудьте),
чтобы добраться до глубин,
до тех пластов — до самой сути.

Я бросил нож — не нужен он:
там нет врагов, там все мы — люди,
там каждый, кто вооружен,—
нелеп и глуп, как вошь на блюде

Сравнюсь с тобой, подводный гриб,
забудем и чины и ранги.
Мы снова превратились в рыб,
и наши жабры — акваланги.

Нептун — нырлящик с бородой,
ответь и облегчи мне душу:
зачем простились мы с водой,
предпочитая влаге — сушу?

Меня сомненья — черт возьми! —
давно буравами сверлили
зачем мы сделались людьми?
Зачем потом заговорили?

Зачем, живя на четырех,
мы встали, распрямивши спины?
Затем — и это видит Бог —
чтоб взять камня и дубины!

Мы умудрились много знать,
повсюду мест наделать лобных,
и предавать, и распинать,
и брать на крюк себе подобных!

И я намеренно тону,
ору: «Спасите наши души!»
И если я не дотяну,—
друзья мои, бегите с суши!

Назад — не к горю и беде,
назад и вглубь — но не ко гробу,
назад — к прибежищу, к воде,
назад — в извечную утробу!

Гдохлопал по плечу трепанг,
признав во мне свою породу,
и я — выплевываю шланг
и в легкие пускаю воду!..

Сомкните стройные ряды,
покрепче закупорьте уши:
ушел один — в том нет беды,—
но я приду по ваши души!

О ЗНАКАХ ЗОДИАКА

Неправда, над нами не бездна, не мрак —
каталог наград и возмездий.
Любуемся мы на ночной зодиак,
на вечное танго созвездий.

Глядим, запрокинули головы вверх,
в безмолвие, тайну и вечность,—
там трассы судеб и мгновенный наш век
отмечены в виде невидимых вех,
что могут хранить и беречь нас.

Горячий нектар в холода февралей —
как сладкий елей вместо грога —
льет звездную воду чудак Водолей
в бездонную пасть Козерога.

Вселенский поток и извилист и крут,
окрашен то ртутью, то кровью,
но, вырвавшись мартовской мглою из пут,
могучие Рыбы на нерест плывут
по Млечным протокам — к верховью.

Декабрьский Стрелец отстрелялся вконец.
он мается, копья ломая,—
и может без страха резвиться Телец
на светлых урочищах мая.

Из августа изголодавшийся Лев
глядит на Овена в апреле
В июнь к Близнецам свои руки воздев,
нежнейшие девы созвездия Дев
Весы превратили в качели.

Лучи световые пробилась сквозь мрак,
как нить Ариадны, конкретны,
но — и Скорпион, и таинственный Рак
от нас далеки и безвредны

На свой зодиак человек не роптал
Да звездам страшна ли опала?¹
Он эти созвездия с неба достал,
оправил он их в драгоценный металл —
и тайна доступною стала.

В ЛИЧ
ГЛАШАТАЕВ

ПЕСНЯ КЭРРОЛЛА

Этот рассказ мы с загадки начнем —
даже Алиса ответит едва ли
что остается от сказки потом —
после того, как ее рассказали?

Где, например, волшебный рожок,
добрая фея куда улетела?
А? Э!.. Так-то, дружок,
в этом-то все и дело.

Они не испаряются, они не растворяются,
рассказанные в сказке, промелькнувшие во сне.
В страну чудес волшебную они переселяются,
мы их, конечно, встретим в этой сказочной стране.

Много неясного в странной стране —
можно запутаться и заблудиться
Даже мурашки бегут по спине,
если представить, что может случиться!

Вдруг будет пропасть — и нужен прыжок!
Струсишь ли сразу? Прыгнешь ли смело?
А? Э!.. Так-то, дружок,
в этом-то все и дело.

Добро и зло в стране чудес — как и везде — встречаются,
но только здесь они живут на разных берегах.
Здесь по дорогам разные истории скитаются,
и бегают фантазии на тоненьких ногах

Ну и последнее. хочется мне,
чтобы всегда меня вы узнавали.
Буду я птицей в волшебной стране,
«Птица Додо» меня дети прозвали.

Даже Алисе моей невдомек,
как упакуюсь я в птичье тело.
А? Э!.. Так-то, дружок,
в этом-то все и дело.

И не такие странности в стране чудес случаются,
в ней нет границ — не нужно плыть, бежать или лететь
Попасть туда не сложно, никому не запрещается,
в ней можно оказаться — стоит только захотеть

.. Не обрывается сказка концом
Помнишь, тебя мы спросили вначале
что остается от сказки потом —
после того, как ее рассказали?

Может, не все, даже съев пирожок,
наша Алиса во сне разглядела
А? Э!.. Так-то, дружок,
в этом-то все и дело.

И если кто-то снова вдруг проникнуть попытается
в страну чудес волшебную в красивом добром сне,
тот даже то, что кажется, что только представляется,
найдет в своей загадочной и сказочной стране

ПЕСНЯ АЛИСЫ

Я страшно скучаю, я просто без сил.
И мысли приходят — маня, беспокоя,—
чтоб кто-то куда-то меня пригласил
и я там увидела что-то такое!..

Но что именно — право, не знаю.
Все советуют наперебой:
«Почитай»,— я сажусь и читаю,
«Поиграй»,— ну, я с кошкой играю.
Все советуют наперебой:
Сэр! Возьмите Алису с собой!

Мне так бы хотелось, хотелось бы мне
когда-нибудь, как-нибудь выйти из дома
и вдруг оказаться вверху, в глубине,
внутри и снаружи — где все по-другому.

Но что именно — право, не знаю.
Все советуют наперебой:
«Почитай»,— ну, я с кошкой играю,
«Поиграй»,— я сажусь и читаю.
Все равно я ужасно скучаю!
Сэр! Возьмите Алису с собой!

Пусть дома поднимется переполох
и пусть наказание грозит — я согласна,—
глаза закрываю, считаю до трех...
Что будет, что будет! Волнуюсь ужасно.

Но что именно — право не знаю.
Все смешалось в полуденный зной:
почитать?— я сажусь и играю,
поиграть? — ну, я с кошкой читаю.
Все равно я скучать ужасаю!
Сэр! Возьмите Алису с собой!

ПАДЕНИЕ АЛИСЫ

Догонит ли в воздухе — или шалишь —
летучая кошка летучую мышь,
собака летучая — кошку летучую?
Зачем я себя этой глупостью мучаю?!

А раньше я думала, стоя над кручею:
ах, как бы мне сделаться тучей летучею!
Ну вот! Я и стала летучею тучею,
ну вот и решаю по этому случаю:

догонит ли в воздухе — или шалишь —
летучую кошку летучая мышь?..

В МОРЕ СЛЕЗ

Слезливое море вокруг разлилось,
и вот принимаю я слезную ванну.
Должно быть, по морю из собственных слез
плыву к Слезовитому я океану.

Растеряешься здесь поневоле —
со стихией одна на один!
Может, зря проходили мы в школе,
что моря — из поваренной соли...
Хоть бы льдина попалась мне, что ли,
или встретился добрый дельфин!..

ПЕСНЯ МЫШИ

Спасите! Спасите! О ужас, о ужас!
Я больше не вынырну, если нырну.
Немного проплаваю, чуть поднатужась,
но силы покинут — и я утону.

Вы мне по секрету ответить могли бы:
я — рыбная мышь или мышная рыба?
Я тихо лежала в уютной норе,
читала, мечтала и ела пюре.

И вдруг — это море около,
как будто кот заплакал.
Я в нем, как мышь, промокла,
продрогла, как собака.

Спасите! Спасите! Хочу я, как прежде,
в нору — на диван из сухих камышей!..
Здесь плавают девочки в верхней одежде,
которые очень не любят мышей.

И так от лодыжек дрожу до ладошек,
а мне говорят про терьеров и кошек.
А вдруг кошкелот на меня нападет,
решив по ошибке, что я мышелот!

Ну вот! Я зубами зацокала
от холода и страха.
Я здесь, как мышь, промокла,
продрогла, как собака.

ПЕСЕНКА ЛЯГУШОНКА ДЖИММИ И ЯЩЕРКИ БИЛЛИ

У Джимми и Билли всего в изобилье —
давай не зевай, сортируй, собирай!..
И Джимми и Билли давно позабыли,
когда собирали такой урожай.

И Джимми и Билли, конечно, решили
закапывать яблоки в поте лица.
Расстроенный Билли сказал: «Или-или!
Копай, чтоб закончилась путаница!»

И Джимми и Билли друг друга побили.
Ура! Караул! Закопай! Откопай!
Ан глядь — парники все вокруг подавили.
Хозяин, где яблоки? Ну-ка, решай!

У Джимми и Билли всего в изобилье —
давай не зевай, сортируй, собирай!..
И Джимми и Билли давно позабыли,
когда собирали такой урожай!

ПЕСНЯ ПОПУГАЯ

Послушайте все — ого-го, эге-гей!—
меня — попугая — пирата морей!

Родился я в тыща каком-то году
в банано-лиановой чаще.
Мой папа был папа-пугай какаду,
тогда еще не говорящий.

Но вскоре покинул я девственный лес:
взял в плен меня страшный Фернандо Кортес.
Он начал на бедного папу кричать,
а папа Фернанде не мог отвечать,
не мог — не умел — отвечать.

И чтоб отомстить, от зари до зари
учил я три слова, всего только три,
упрямо себя заставлял — повтори:
«Карамба!», «Коррида!!» и «Черт побери!!!»

Послушайте все — ого-го, эге-гей!—
рассказ попугая — пирата морей!

Нас шторм на обратной дороге застиг,
мне было особенно трудно.
Английский фрегат под названием «бриг»
взял на abordаж наше судно.

Был бой рукопашный три ночи, два дня —
и злые пираты пленили меня.
Так начал я плавать на разных судах —
в районе экватора, в северных льдах...
На разных пиратских судах.

Давали мне кофе, какао, еду,
чтоб я их приветствовал:

«Хау ду ю ду!»

Но я повторял от зари до зари:
«Карамба!», «Коррида!!» и «Черт побери!!!»

Послушайте все — ого-го, эге-гей!—
меня — попугая — пирата морей!

Лет сто я проплавал пиратом, и что ж?
Какой-то матросик пропащий
продал меня в рабство за ломаный грош,
а я уже был — говорящий.

Турецкий паша́ нож сломал пополам,
когда я сказал ему: «Паша, салам!»
И просто кондрашкахватила пашу́,
когда он узнал, что еще я пишу,
считаю, пою и пляшу.

Я Индию видел, Иран и Ирак.
Я — инди-и-видум — не попка-дурак.
(Так думают только одни дикари.)
Карамба! Коррида!! И — черт побори!!!

КУПЛЕТЫ НЕЧИСТИ

— Я Баба Яга,
вот и вся недолга́.

Я ежду в намазаной ступе.
Я к русскому духу не очень строга:
люблю его... сваренным в супе.

Ох, надоело с метелкой гонять,
зелье я переварила.
Нет, чтой-то стала совсем изменять
наша нечистая сила!

— Добрый день, добрый тень!
Я дак Оборотень,
неловко на днях обернулся:
хотел превратиться в дырявый плстень,
да вот посередке запулся.

Кто я теперь — самому не понять,
эк меня, братцы, скривило!..

Нет, чтой-то стала нам всем изменять
наша нечистая сила!

— Я старый больной
озорной Водяной,
но мне надоела квартира.
Лежу под корягой, простуженный, злой,
ведь в омуте мокро и сыро.

Вижу намедни — утопленник. Хваты!
А он меня пяткой по рылу...
Нет, перестали вконец уважать
нашу нечистую силу!

— Такие дела:
Лешачиха со зла,
лишив меня лешевелюры,
вчера из дупла на мороз прогнала —
у ней с Водяным шуры-муры.

Со свету стали совсем изживать,
прост-таки гонят в могилу...
Нет, перестали совсем убожать
нашу нечистую силу!

СКОМОРОХИ НА ЯРМАРКЕ

Эй, народ честной, незадачливый!
Эй вы, купчики да служилый люд,
живо к городу поворачивай —
зря ли в колокол с колоколен бьют!

Все ряды уже с утра
позахвачены —

уйма всякого добра,
всякой всячины.
там точильные круги —
точат лясы,
там лихие сапоги —
самоплясы.

Тагарга-матагарга,
во столице ярмарка,
сказочно реальная,
цветомузыкальная

Богачи и голь перекатная,
покупатели все, однако, вы.
И хоть ярмарка не бесплатная,
все на ярмарке одинаковы.

За едою в закрома
спозараночка
скатерть сбегает сама —
самобраночка.
Кто не схочет есть и пить,
тем — изнанка:
их начнет сама бранить
самобранка.

Тагарга-матагарга,
во какая ярмарка:
праздничная, вольная,
белохлебосольная.

Вот и шапочки-невидимочки.
Кто наденет их — станет барином.
Леденцы во рту — словно льдиночки,
и жар птица есть в виде жареном.

Прилетели год назад
Гуси-Лебеди,—
а теперь они лежат
на столе, гляди!
Эй, слезайте с облучка,
добры люди,
да из Белого Бычка
ешьте студень!

Тагарга-матагарга,
всем богата ярмарка!
Вон орехи рядышком —
с изумрудным ядрышком!

Скоморохи здесь — все хорошие,
скачут-прыгают через палочку.
Прибауточки скоморошие,—
смех и грех от них — все вповалочку.

По традиции, как встарь,—
вплавь и волоком
привезли царь-самовар,
как царь-колокол.
Скороварный самовар,
он — на торфе,
вам на выбор сварит вар
или кофе

Тагарга-матагарга,
удалая ярмарка,
с плясунами резвыми,
большой частью — трезвыми.

Вот Балда пришел, поработать чтоб:
без работы он киснет-квасится.
Тут как туг и Поп — толоконный лоб,
но Балда ему — кукиш с маслицем!

Разновесые веса —
проторгуешься!
В скороходики-часы —
не обуешься.
Скороходы-сапоги
не залапьте!
А для стужи да пурги —
лучше лапти.

Тагарга-матагарга,
что за чудо ярмарка —
звонкая, несонная,
нетрадиционная!

Вон Емелюшка Шуку мнет в руке,
Щуке быть ухой, вкусным варевом.
Черномор Кота продает в мешке —
слишком много Кот разговаривал.

Говорил он без тычка
без задорины —
все мы сказками слегка
объегорены.
Не скупись, не стой, народ,
за ценою.
Продается с цепью Кот —
с золотою!

Тагарга-матагарга,
упоенье — ярмарка —
общее, повальное,
эмоциональное!

Будет смехом-то рвать животик,
кто отважится, разохотится
да на коврике-самолетике
не откажется, а прокатится.

Разрешите сделать вам
примечание:
никаких воздушных ям
и качания.
Ковролетчики вчера
ночь не спали —
пыль из этого ковра
выбивали.

Тагарга-матагарга,
удалась ярмарка!
Тагарга-матагарга,
хорошо бы — надолго!

Здесь река течет — вся молочная,
берега на ней — сплошь кисельные.
Мы вобьем во дно сваи прочные,
запрудим ее — дело дельное.

Запрудили мы реку —
это плохо ли?!
На кисельном берегу
пляж отгрохали.
Но купаться нам пока
нету смысла,
потому — у нас река
вся прокисла.

Тагарга-матагарга,
не в обиде ярмарка —
хоть залейся нашею
кислой простоквашею!

Мы беду-напасть подожгем огнем,
распрявим хребты втрое сложенным,
меда хмельного до краев нальем
всем скучающим и скукоженным.

Много тыщ имеет кто —
тратьте тыщи те:
даже то — не знаю что —
здесь отыщете!
Коль на ярмарку пришли —
так гуляйте,
неразменные рубли —
разменяйте!

Тагарга-матагарга,
во какая ярмарка!
Подходи, подваливай,
сахари, присаливай!..

ПЕСНЯ МАРЬИ

Отчего не бросилась, Марьюшка, в реку ты,
что же не замолкла-то навсегда ты,
как забрали милого в рекруты, в рекруты,
как ушел твой суженый во солдаты?!

Я слезами горькими горницу вымою
и на годы долгие дверь закрою,
наклонюсь над озером ивою, ивою,
высмотрю, как в зеркале,— что с тобою.

Травушка-муравушка — сочная, мятная —
без тебя ломается, ветры дуют...
Долюшка солдатская — ратная, ратная:
что — как пули грудь твою не минуют?!

Тропочку глубокую протопчу по полю
и венок свой свадебный впрок совью,
дивну косу девичью — до полу, до полу —
сберегу для милого с проседью.

Вот возьмут кольцо мое с белого блюда,
хоровод завертнется — грустно в нем.
Пусть мое гадание сбудется, сбудется,
пусть вернется суженый вешним днем.

Пой как прежде весело, идучи к дому, ты,
тихим словом ласковым утешай.
А житье невестино — омуты, омуты...
Дождидает Марьюшка, поспешай!

ИВАН ДА МАРЬЯ

Не сдержать меня уговорами.
Верю свято я не в него ли?
Пусть над ним кружат черны вороны,
но он дорог мне и в неволе.

Пели веку испокон,
да прослышала сама я,
как в году невесть каком
стали вдруг одним цветком
два цветка — Иван да Марья

КЛИЧ ГЛАШАТАЕВ

Если в этот скорбный час
спустим рукава —
Соловей освищет нас,
и пойдет молва,

дескать, силой царский трон⁷
все скудней,
си, мол, мало каши он, Евстигней.

Если кровь у кого горяча —
саблей бей, пикой лихо коли!
Царь дарует вам шубу с плеча
из естественной выхуоли.
Сей указ без обману-коварства,
за печатью, по форме точь-в-точь:
в бой — за восемь шестнадцатых царства
и за целую царскую дочь.
Да, за целую царскую дочь!

Торопись указ зачесть,
изданный не зря:
кто заступится за честь
батюшки-царя,
кто разбойника уймет —
Соловья, —
к государю попадет в сыновья!

ЧАСТУШКИ

Подходи, народ, смелее —
слушай, переспрашивай!
Мы споем про Евстигнея,
государя нашего.

Вы себе представьте сцену,
как папаша Евстигней
дочь-царевну Аграфену
хочет сплавить поскорей.

Но не получается —
царевна не сплавляется.

Как-то ехал царь из леса,
весело, спокойненько,—
вдруг услышал свист, балбес,
Соловья-разбойника.

С той поры царя корежит,
словно кость застряла в нем:
пальцы в рот себе заложит —
хочет свистнуть Соловьем!

Надо с этим бой начать,
а то начнет разбойничать.

СЕРЕНАДА СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИКА

Выходи, я тебе посвящу серенаду!
Кто тебе серенаду еще посвистит?
Сутки кряду могу, до упаду,
если муза меня посетит.

Я пока еще только шутю и шалю,
я пока на себя не похож,
я обиду терплю,
но когда я вспылю,
я дворец подпилю,
подпалю,
развалю,
если ты на балкон не придешь.

Ты отвечай мне прямо, откровенно —
разбойничью душу не трави!..
О, выйди, выйди, выйди, Аграфена,—
 послушать серенаду о любви!

Ей-ей-ей, трали-вали..
Кабы красна девица жила в полуподвале,
я б тогда на корточки
приседал у форточки,
мы бы до утра проворковали.

Во лесных кладовых моих уйма говара:
два уютных дупла, три пенечка гнилых..
Чем же я тебе, Груня, не пара,
чем я, Феня, тебе не жених?!

Так тебя я люблю,
 что ночами не сплю,
сохну с горя у всех на виду.
Вон и голос сорвал — и хриплю, и сиплю.
Ох, я дров нарублю,
 я себя погублю,
но тебя украду, уведу!

Я женихов твоих — через колено!
Я папе твоему попорчу кровь!
О, выйди, выйди, выйди, Аграфена,
о, не губи разбойничью любовь!

Ей-ей-ей, трали-вали..
Кабы красна девица жила в полуподвале,
я б тогда на корточки
приседал у форточки,
мы бы до утра проворковали

СВАДЕБНАЯ

Ты, звонарь-пономарь, не кемарь,
звонкий колокол раскочегаривай!
Ты очнись, встрепенись, гармонист,
переливами щедро одаривай!

Мы беду навек спровадили,
в грудь ей вбили кол осиновый.
Перебор сегодня — свадебный,
звон над городом — малиновый.

Эй, гармошечка, дразни,
не спеши, подманивай.
Главный колокол, звони,
маленький — подзванивай.

Крикуны, певуны, плясуны!
Оглашенные, неугомонные!
Нынче пир, буйный пир на весь мир.
Все — желанные, все — приглашенные!

Как на ярмарочной площади
вы веселие обрящете,
там и горло прополощите,
там споете да попляшете.

Не серчай, а получай
чашу полновесную!
Подходи да привечай
жениха с невестою!

Топочи, хлопочи, хохочи!
Хороводы води развеселые!
По бокам, по углам — к старикам —
разойдись, недоёные, квелые!

Поздравляй, да с пониманием,
за застольною беседою —
со счастливым сочетанием
да с законною победою.

Наша свадьба — не конец
дельцу пустяковому:
делу доброму — венец
да начало — новому!

БЕДА

Я несла свою Беду
по весеннему по льду.
Обломился лед — душа оборвалась,
камнем под воду пошла,
а Беда — хоть тяжела, —
а за острые края задержалася.

И Беда с того вот дня
ищет по свету меня,
Слухи ходят — вместе с ней — с Кривотолками.
А что я не умерла,
знала голая ветла
и еще перепела с перепелками.

Кто ж из них сказал ему,
господнну моему, —
только выдали меня, проболтался.
И, от страсти сам не свой,
он отправился за мной,
а за ним — Беда с Молвой увязались.

Он настиг меня, догнал,
обнял, на руки поднял.
Рядом с ним в седле Беда ухмылялася...
Но остаться он не мог —
был всего один денек,
а Беда — на вечный срок задержалася.

ПЕСНЯ ПРО НЕЧИСТЬ

В заповедных и дремучих
страшных Муромских лесах
всяка нечисть бродит тучей
и в проезжих сеет страх:
воет воем, что твой
 упокойники..
Если есть там соловьи —
 то разбойники.
Страшно, аж жуть!

В заколдованных болотах
там кикиморы живут,—
защекочут до икоты
и на дно уволокут.
Будь ты конный, будь ты пеший —
 заграбастают,
а уж лешие —
 так по лесу и шастают.
Страшно, аж жуть!

А мужик — купец и воин —
попадал в дремучий лес —
кто за чем: кто с перепоею,
а кто сдуру в чащу лез.

По причине попадали,
без причины ли,
только всех их и видали —
словно сгнули.
Страшно, аж жуть!

Из заморского из лесу,
где и вовсе сущий ад,
где такие злые бесы —
чуть друг друга не едят,
чтоб творить им совместное
зло потом,
поделиться приехали
опытом.
Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник главный
им устроил буйный пир,
а от них был Змей трехглавый
и слуга его — Вампир.
Пили зелье в черепах,
ели бульники,
танцевали на гробах,
богохульники.
Страшно, аж жуть!

Змей Горыныч влез на древо,
ну — раскачивать его
«Выводи, Разбойник, девок,
пусть покажут кой-чего,
пусть нам лешие попляшут,
попоют,
а не то я, мать вашу,
всех сгною!»
Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник тоже
был не только лыком шит,—
гикнул, свистнул, крикнул: «Рожа,
гад, заморский паразит,
убирайся без бою,
уматывай,
и Вампира с собою
прихватывай!»
Страшно, аж жуть!

Все взревели, как медведи:
«Натерпелись — столько лет!
Ведьмы мы али не ведьмы,
патриотки али нет?!
Нáлил бельма, ишь ты, клещ,
отоварился,
а еще на наших женщин
позарился!..»
Страшно, аж жуть!

...А теперь седые люди
помнят прежние дела:
билась нечисть грудью в груди
и друг друга извела.
Прекратилось навек
безобразие —
ходит в лес человек
безбоязненно.
И не страшно ничуть!

АЛЕЙДОСКОП

СЕМЬЯ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

А ну, отдай мой каменный топор!
И шкур моих набедренных не тронь!
Молчи, не вижу я тебя в упор,—
сиди вон и поддерживай огонь

Выгадывать не смей на мелочах,
не опошляй семейный наш уклад!
Не убрана пещера и очаг,—
разбаловалась ты в матриархат!

Придержи свое мнение,
я — глава, и мужчина — я.
Соблюдай отношения
первобытнообщинныя.

Там мамонта убьют — поднимут вой,
начнут добычу поровну делить...
Я не могу весь век сидеть с тобой,
мне надо хоть кого-нибудь убить!

Старейшины сейчас придут ко мне,
смотри еще — не выйди голой к ним!
В век каменный — и не достать камней —
мне стыдно перед племенем своим!

Пять бы жен мне — наверное,
разобрался бы с вами я!
Но дела мои скверные,
потому — моногамия.

А все твоя проклягая родня!..
Мой дядя, что досгался кабану,
когда был жив — предупреждал меня:
нельзя из людоедок брать жену.

Не ссорь меня с общиной — это ложь,
что будто к тебе ктой-то пристаёт.
Не клевети на нашу молодежь,
она — надежда наша и оплот!

Ну, что глядишь — тебя пока не бьюг —
отдай топор, добром тебя прошу!
И шкуры где? Ведь люди засмеют!..
До трех считаю, после — задую!

СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Как-то вечером патриции
собрались у Капитолия
новостями поделиться — и
выпить малость алкоголя.
Не вести ж бесед тверезыми!
Марк-патриций не мытарился —
пил нектар большими дозами
и ужасно нанектарился.

И под древней под колонною
он исторг из уст проклятия:
— Эх, с почтенною матреною
разойдусь я скоро, братия.

Она спуталась с поэтами,
помешалась на театрах —
так и шастает с билетами
на приезжих гладиаторов.

«Я,— кричит,— от бескультурия
скоро стану истеричкою...»
В общем, злобствует, как фурия,
поощряема сестричкою.
Только цыкают и шикают...
Ох, налейте снова мне двойных!
Мне ж рабы в лицо хихикают.
На войну бы мне, да нет войны.

Я нарушу все традиции —
мне не справиться с обеими.
Опускаюсь я, патрици,
дую горькую с плебеями.
Я ей дом оставлю в Персни,
пусть берет сестру-мегерочку...
А на отцовские сестерци
я заведу себе гетерочку.

У гетер — хотя безнравственной,
но они не обезумели.
У гетеры пусть все явственной,
зато родственники умерли.
Там сумею исцелиться — и
из запоя скоро выйду я...

И пошли домой патрици,
Марку пьяному завидуя.

ПРО ЛЮБОВЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Сто сарацинов я убил во славу Ей —
прекрасной даме посвятил я сто смертей!
Но наш король — лукавый сир —
затял рыцарский турнир.
Я ненавижу всех известных королей!

Вот мой соперник — рыцарь Круглого стола.
Чужую грудь мне под копьё король послал.
Но — в сердце нежное Ее
мое направлено копьё...
Мне наплевать на королевские дела!

Герб на груди его — там плаха и петля.
Но будет дырка там, как в днище корабля.
Он — самый первый фаворит,
к нему король благоволит.
Но мне сегодня наплевать на короля!

Король сказал: «Он с вами справится шая,—
и пошутил:— Пусть будет пухом вам земля!»
Я буду пищей для червей,
тогда он женится на Ней...
Простит мне бог, я презираю короля!

Вот подан знак — друг друга взглядом пепеля,
коней мы гоним, задыхаясь и пыля.
Забрало поднято — изволь!
Ах, как волнуется король!..
Но мне, ей-богу, наплевать на короля!

Итак, все кончено — пусть отдохнут поля.
Вот льется кровь его на стебли ковыля.

Король от бешенства дрожит,
но мне Она принадлежит —
мне так сегодня наплевать на короля!

...Но в замке счастливо мы не прожили с Ней —
король в поход послал на сотни долгих дней...
Не ждет меня мой идеал,
ведь он — король, а я — вассал,—
и рано, видимо, плевать на королей.

АНТИКЛЕРИКАЛЬНАЯ

Возвращаясь с работы,
рашпиль ставлю у стены...
Вдруг — в окно порхает кто-то
из постели от жены.
Я, конечно, вопрошаю:
— Кто такой? —
А она мне отвечает:
— Дух святой!

Ох, я встречу того духа —
ох, отмечу его в ухо...
Дух — он тоже духу рознь.
Коль святой — так Машку брось!
Хоть ты — кровь голубая,
хоть ты — белая кость,
до Христа дойду, и знаю —
не пожалует Христос!

Машка, вредная натура,—
так и лезет на скандал,
Разобиделася, дура,
вроде, значит,— помешал.

Я сперва-сначала с лаской —
то да се,—
а она к стене с опаской:
— Нет, и все!

Я тогда цежу сквозь зубы,
но уже, конечно, грубо:
— Хоть он возрастом и древний,
хоть годов ему тыщ шесть —
у него в любой деревне
две-три бабы точно есть!

Я к Марии с предложеньем
(я на выдумки мастак!),
мол, в другое воскресенье
ты, Мария, сделай так:
я потопаю под утро —
мол, пошел...
А ты прими его как будто...
Хорошо?

Ты накрой его периной
и запой — тут я с дубиной!
Он крылом — а я колом.
Он псалом — а я кайлом!
Тут, конечно, он сдается.
Честь Марии спасена!..
Потому что мне сдается,
этот ангел — Сатана...

...Вот влетаю с криком, с деревом,
весь в надежде на испуг.
Машка плачет.
— Машка, где он?
— Улетел желанный дух!..
— Как же это, я не знаю...

Как успел?

— Да вот так вот, — отзечает, —
улетел.

Он псалом мне прочитал
и крылом пощекотал...

— Ты шутить с живым то мужем?!

Ах ты, скверная жена! —

Я взмахнул своим оружием .

Смейся, смейся, Сатана!

ИГРА В КАРТЫ В ДВЕНАДЦАТОМ ГОДУ

На стол колоду, господа, —
крапленая колода!

Он подменил ее, когда
барон, вы пили воду.

Валет наколот, так и есть!

Барон, ваш долг погашен!

Вы проходимец, ваша честь!

Вы проходимец, ваша честь, —
и я к услугам вашим.

Что? Я не слышу ваш апарт.

О нет, так не годится...

А в это время Бонапарт,

а в это время Бонапарт
переходил границу.

Закончить не смогли вы кон —
верните бриллианты!

А вы, барон, и вы, виконт,
пожалте в секунданты!

Ответьте — если я не прав,
но наперед все лживо!
Итак, оружие ваше, граф,
итак, оружие ваше, граф?!
За вами выбор — живо!

Вы не получите инфаркт,
вам не попасть в больницу!..
А в это время Бонапарт,
а в это время Бонапарт
переходил границу.

Да полно: предлагаю сам:
на шпагах, пистолетах..
Хотя сподручней было б вам—
на дамских амулетах.
Кинжал .. Ах, если б вы смогли...
Я дрался им в походах!
Но вы б, конечно, предпочли,
но вы б, конечно, предпочли —
на шулерских колодах!

Вам скоро будет не до карт,
вам предстоит сразиться!..
А в это время Бонапарт,
а в это время Бонапарт
переходил границу.

Не поднимайте, ничего,
я встану сам, сумею!
Я снова вызову его,
пусть даже протрезвею
Барон, молчать! Виконт, не хнычь!
Плевать, что тьма народу!
Пусть он расскажет, старый хрыч,
пусть он расскажет, старый хрыч,
чем он крапил колоду.

Когда откроет тайну карт,
дуэль не состоится!..
А в это время Бонапарт,
а в это время Бонапарт
переходил границу.

А коль откажется сказать —
клянусь своей главою:
графиню можете считать
сегодня же — вдовою.
И хоть я шуток не терплю,
но я могу взбеситься.
Тогда я графу прострелю,
тогда я графу прострелю,
эскюз ми, ягодицу!

Вы не получите инфаркт —
вам предстоит сразиться!..
А в это время Бонапарт,
а в это время Бонапарт
переходил границу.

А вы, виконт, хоть и не трус,
а все-таки скотина!
Я с вами завтра же дерусь,
вот слово дворянина!
А вы, барон, извольте здесь
не падать — как же можно?!
Ну а за сим, имею честь,
ну а за сим, имею честь,—
я спать хочу безбожно!

Стоял весенний месяц март,
летели с юга птицы...
А в это время Бонапарт,
а в это время Бонапарт
переходил границу.

Ах, граф, прошу меня простить —
я вел себя бестактно.
Я в долг хотел у вас просить,
но не решился как-то.
Хотел просить наедине —
мне на людях неловко —
и вот пришлось устроить мне,
и вот пришлось устроить мне
дебош и потасовку.

Я весь в долгах. Пусть я не прав,
имейте снисхожденье!
Примите уверенья, граф,
а с ними — извиненье...
О да, я выпил целый штоф —
и сразу вышел червой...
Дурак?! Вот как! Что ж, я готов!
Итак, ваш выстрел первый...

Стоял июль, а может, март...
Летели с юга птицы...
А в это время Бонапарт,
а в это время Бонапарт
переходил границу.

* * *

Оплавляются свечи
на старинный паркет.
Дождь стекает на плечи
серебром с эполет.
Как в агонии бродит
золотое вино.

Пусть былое уходит,
что придет — все равно.

И, в предсмертном томленьи
озираясь назад,
убегают олени,
нарываясь на залп.
Кто-то дуло наводит
на невинную грудь.
Пусть былое уходит,
пусть придет что-нибудь.

Кто-то злой и умелый,
веселясь, наугад
мечет острые стрелы
в воспаленный закат.
Слышно в буре мелодий
повторение нот.
Все былое уходит.
Пусть придет, что придет.

ПЕСНЯ О ПЕТРОВСКОЙ РУСИ

Как засмотрится мне нынче, как задышится?
Воздух крут перед грозой, крут да вязок.
Что споется мне сегодня, что услышится?
Птицы вещие поют — да все из сказок!

Птица Сирий мне радостно скалится,
веселит, зазывает из гнезд.

А напротив — тоскует, печалится,
травит душу чудной Алконост.

Словно семь заветных струн
зазвенели в свой черед —
это птица Гамаюн
надежду подает!..

В синем небе, колокольнями проколотом, —
медный колокол медный колокол —
то ль возрадовался, то ли осерчал...
Купола в России кроют чистым золотом,
чтобы чаще Господь замечал...

Я стою как перед вечною загадкой —
перед великою да сказочной страной, —
перед солоно да горько-кисло-сладкою,
голубою, родниковою, ржаною.

Грязью чавкая, жирной да ржавою,
вязнут лошади по стремяна, —
но влекут меня сонной державою,
что раскисла, опухла от сна.

Словно семь богатых лун
на пути моем встает —
то мне птица Гамгюн
надежду подает!

Душу, сбитую утратами да тратами,
душу, стертую перекатами, —
если до крови лоскут истончал, —
залатаю золотыми я заплатами,
чтобы чаще Господь замечал...

* * *

Как по Волге-матушке,
по реке-кормилице —
всё суда с товарами,
струи да ладьи...
И не надорвалась,
и не притомилася —
ноша не тяжелая,
корабли свои.

Вниз по Волге плывая,
прохожу пороги я
и гляжу на правые
берега пологие.
Там камыш шевелится,
поперек ломается,
справа берег стелется,
слева — поднимается...

Волга песни слышала
хлеще, чем «Дубинушка», —
в ней вода исклестана
пулями врагов.
И плыла по матушке
наша кровь-кровинушка,
стыла бурой пеною
возле берегов.

Долго в годы пресные
лились слезы строгие, —
берега отвесные,
берега пологие
плакали, измызганы
острыми подковами,

но теперь зализаны
злые раны волнами.

Что-то с вами сделалось,
города старинные,
там, где стены древние,
на холмах кремли,—
словно пробудились
молодцы былинные
и, числом несметные,
встали из земли.

Лапами грабастая,
корабли стараются —
тянут баржи с Каспия,
тянут, надрываются,
тянут — не оглянутся,
и на версты многие
за крутыми тянутся
берега пологие.

ПОЖАРЫ

Пожары над страной все выше, жарче, веселей.
Их отблески плясали в два притопа, три прихлопа,
но вот судьба и время пересели на коней,
а там в галоп, под пули в лоб —
и мир ударило в озноб
от этого галопа.

Шальные пули злы, слепы и бестолковы,
а мы летели вскачь — они за нами влет.
Расковывались кони — и горячие подковы
летели в пыль на счастье тем, кто их потом найдет.

Увертливы поводья, словно угри,
и спутаны и волосы и мысли на бегу,
а ветер дул и расправлял нам кудри
и распрямлял извилины в мозгу.

Ни бегство от огня, ни страх погони — ни при чем,
а время подскакало, и — фортуна улыбалась.
И сабли седоков скрестились с солнечным лучом.
Седок — поэт, а конь — Пегас,
пожар померк, потом погас,
а скачка разгоралась.

Еще не видел свет подобного аллюра!
Копыта били дробь. Трезвонила капель.
Помешанная на крови, слепя пуля-дура
прозрела, поумнела вдруг — и чаще была в цель.

И кто кого — азартней перепляса,
и кто скорее — в этой скачке опоздавших нет,
а ветер дул, с костей сдувая мясо
и радуя прохладой скелет.

Удача впереди и исцеление больным —
впервые скачет время напрямую, не по кругу.
Обещанное завтра будет горьким и хмельным...
Легко скакать — врага видать,
и друга тоже... Благодать!
Судьба летит по лугу!

Доверчивую Смерть вокруг пальца обернули,—
замешкалась она, забыв махнуть косою.
Уже не догоняли нас и отставали пули.
Удастся ли умыться нам не кровью, а росой?!

Пел ветер все печальней, глуше,
навyleт время ранено, досталось и судьбе.
Ветра и кони — и тела и души
убитых — выносили ча себе.

О вкусах не спорят — есть тысяча мнений,
я этот закон на себе испытал.
Ведь даже Эйнштейн — физический гений —
весьма относительно все понимал.

Оделся по моде, как требует век,—
вы скажете сами:
«Да это же просто другой человек!»
А я — тот же самый.
Вот уж действительно —
все относительно!
Все-все, всё!

Набедренный пояс из шкуры пантеры.
О да, неприлично, согласен, ей-ей!
Но так одевались все до нашей эры,
а до нашей эры им было видней.

Оделся по моде, как в каменный век,—
вы скажете сами:
«Да это же просто другой человек!»
А я — тот же самый.
Вот уж действительно —
все относительно!
Все-все, всё!

Оденушь как рыцарь я после турнира,—
знакомые вряд ли узнают меня.
И крикну как Ричард я в драме Шекспира:
«Коня мне! Полцарства даю за коня!»

Но вот усмехнется и скажет сквозь смех
ценитель упрямый:
«Да это же просто другой человек!»

А я — тот же самый.
Вот уж действительно —
все относительно!
Все-все, все!

Вот трость, канотье — я из нэпа, похоже?
Не надо оваций, к чему лишний шум?
Ах, в этом костюме узнали — ну что же,
тогда я надена последний костюм.

Долой канотье, вместо тросточки стек,—
и шепчутся дамы:
«Да это же просто другой человек!»
А я — тот же самый.
Будьте же бдительны —
все относительно!
Все-все, все!

МОСКВА—ОДЕССА

В который раз лечу Москва—Одесса...
Опять не выпускают самолет.
А вот прошла вся в синем стюардесса, как принцесса,
надежная, как весь гражданский флот.

Над Мурманском ни туч, ни облаков,
и хоть сейчас лети до Ашхабада
Открыты Киев, Харьков, Кишинев,
и Львов открыт — но мне туда не надо

Сказали мне: «Сегодня не надейся,
че стоит уповать на небеса»
И вот опять дают задержку рейса на Одессу,
теперь — обледенела полоса.

А в Ленинграде — с крыши потекло!
И что мне не лететь до Ленинграда?!
В Тбилиси — там все ясно, там тепло,
там чай растет, но мне туда не надо.

Я слышу: «Ростовчане вылетают!»
А мне в Одессу надо позарез,
но надо мне туда, куда меня не принимают,—
и потому откладывают рейс.

Мне надо, где сугробы намело,
где завтра ожидают снегопада!
А где-нибудь все ясно и светло,
там хорошо, но мне туда не надо.

Отсюда не пускают, а туда не принимают,—
несправедливо, муторно, но вот
нас на посадку скучно стюардесса приглашает,
похожая на весь гражданский флот.

Открыли самый дальний закуток,
в который не заманят и награды!
Открыт закрытый порт Владивосток,
Париж открыт — но мне туда не надо.

Взлетим мы, распогодится — теперь запреты снимут.
Напрягся лайнер, слышен визг турбин...
Но я уже не верю ни во что, меня не примут —
у них найдется множество причин.

Мне надо, где метели и туман,
где завтра ожидают снегопада!..
Открыты Лондон, Дели, Магадан,
открыто все — но мне туда не надо.

Я прав. хоть плачь, хоть смейся,
но опять задержка рейса —
и нас обратно к прошлому ведет
вся стройная, как «ТУ», та стюардесса мисс Одесса,
доступная, как весь гражданский флот

Опять дают задержку до восьми —
и граждане покорно засыпают
Мне это надоело, черт возьми,
и я лечу туда, где принимают!

* * *

Я все вопросы освещу сполна,
дам любопытству удовлетворенье
Да! У меня французенка жена —
но русского она происхожденья!

Нет! У меня сейчас любовниц нет
А будут ли? Пока что не намерен
Не пью примерно около двух лет
Запью ли вновь? Не знаю, не уверен

Да нет! Живу не возле «Сокола» .
В Париж пока что не проник
Да что вы все вокруг да около —
да спрашивайте напрямик!

Я все вопросы освещу сполна —
как на духу попу в исповедальне!

В блокноты ваши капает слюна —
вопросы будут, видимо, о спальне...

Да, так и есты! Вот густо покраснел
интервьюер «Вы изменяли женам?»
Как будто за портьеру подсмотрел
иль под кровать залег с магнитофоном.

Теперь я к основному перейду.
Один, стоявший скромно в уголочке,
спросил: «А что имели вы в виду
в такой-то песне и в такой-то строчке?»

Ответ. «Во мне Эзоп не воскресал.
В кармане фиги нет — не суетитесь!
А что имел в виду — то написал.
вот, вывернул карманы — убедитесь!»

ТАУ КИТА

В далеком созвездии Тау Кита
все стало для нас непонятно.
Сигнал посылаем: «Вы что это там?»
А нас посылают, обратно.
На Тау Ките
живут в красоте,
живут, между прочим, по-разному
товарищи наши по разуму.

Вот, двигаясь по световому лучу
без помощи, но при посредстве,
я к Тау Ките этой самой лечу,
чтоб с ней разобраться на месте.
На Тау Кита

чего-то не так,
там таукитовая братия
свихнулась, по нашим понятиям.

Покамест я в анабиозе лежу,
те таукитяне бунят.
Все реже я с ними на связь выхожу —
уж очень они хулиганят.
У таукитов
в алфавите слов —
немного, и строй буржуазный,
и юмор у них безобразный.

Корабль посадил я, как собственный зад,
слегка покривив отражатель.
Я крикнул по-таукитянски: «Виват!»,
что значит по-нашему — «здрасьте!».
У таукитян
вся внешность — обман,
тут с ними нельзя состязаться:
то явятся, то растворятся...

Мне таукитянин — как вам папуас,
мне вкратце о них намекнули.
Я крикнул: «Галактике стыдно за вас!»
В ответ они чем-то мигнули.
На Тау Ките
условья не те:
тут нет атмосферы, тут душно,
но таукитяне радушны.

В запале я крикнул им: мать вашу, мол!
Но кибернетический гид мой

настолько дословно меня перевел,
что мне за себя стало стыдно.
Но таукиты —
такие скоты,—
наверно, успели набраться:
то явятся, то — растворятся...

«Вы, братья по полу,— кричу,— мужики!
Ну что...» Тут мой голос сорвался.
Я таукитянку схватил за грудки:
«А ну,— говорю,— признавайся!»
Она мне: «Уйди!» —
мол; мы впереди —
не хотим с мужчинами знаться,
а будем теперь — почковаться!

Не помню, как поднял я свой звездолет,
лечу в настроенье питейном:
Земля ведь ушла лет на триста вперед
по гнусной теории Эйнштейна —
что, если и там,
как на Тау Кита,
ужасно повысилось знание,
что, если и там — почкованье?!

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ДУШ

Кто верит в Магомета, кто — в Аллаха, кто — в Иисуса,
кто ни во что не верит — даже в черта, нáзло всем...
Хорошую религию придумали индусы —
что мы, отдав концы, не умираем насовсем.

Стремилась ввысь душа твоя —
родишься вновь с мечтою,
но если жил ты как свинья —
останешься свиньей.

Пусть косо смотрят на тебя — привыкни к укоризне.
Досадно — что ж, родишься вновь, на колкости горазд.
А если видел смерть врага еще при этой жизни —
в другой тебе дарован будет верный зоркий глаз.

Живи себе нормальненько,
есть повод веселиться:
ведь, может быть, в начальника
душа твоя вселится.

Пускай живешь ты дворником, родишься вновь — прорабом,
а после из прораба до министра дорастешь.
Но если туп как дерево — родишься баобабом
и будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь.

Досадно попугаем жить,
гадюкой с длинным веком. .
Не лучше ли при жизни быть
приличным человеком?!

Какие ситуации! Простор воображению:
был гордым и почтенным, а родился — дураком.
А если мало радует такое положение,
скажи еще спасибо, что не сделался скотом.

Уж лучше сразу — в дело, чем
копить свои обиды,
ведь если будешь мелочен —
докатишься до гниды.

Тем кто есть кто, так кто был кем —

мы никогда не знаем,—

с ума сошли генетики от ген и хромосом.

**Быть может, тот облезлый кот — был раньше негодяем,
а этот милый человек — был раньше добрым псом**

Я от восторга прыгаю,
я обхожу искусства,—
удобную религию
придумали индусы.

*** * ***

Один музыкант объяснил мне пространно,
что будто гитара свой век отжила,—
заменят гитару электроорганы,
электророяль и электропила ..

Но гитара опять
не хочет молчать —
поет ночами лунными,
как в юность мою,
своими семью
серебряными струнами!..

Я слышал вчера — кто-то пел на бульваре:
и голос уверен, и голос красив...
Но мне показалось — устала гитара
звенеть под его залихватский мотив.

И все же опять
не может молчать —
поет ночами лунными,

как в юность мою,
своими семью
серебряными струнами!..

Электророяль мне, конечно, не пара,
другие появятся с песней другой.
Но кажется мне, не уйдем мы с гитарой
на заслуженный и нежеланный покой.

Гитара опять
не хочет молчать —
поет ночами лунными,
как в юность мою,
своими семью
серебряными струнами!..

ПРО КОНЬКОБЕЖЦА
на короткие дистанции,
которого заставили бежать
на длинную

Десять тысяч — и всего один забег
остался.
В это время наш Бескудников Олег
зазнался.
Я, мол, болен, бюллетеню, нету сил —
и сгинул!
Вот наш тренер мне тогда и предложил:
беги, мол.
Я ж на длинной на дистанции помру —
не охну:
пробегу, быть может, только первый круг —
и сдохну!
Но сурово эдак тренер мне: мол, на-
до, Федя,
главно дело — чтобы воля, говорит, была
к победе.
Воля волей, если сил непроворот,—
а я увлекся:
я на десять тыщ рванул, как на пятьсот,—
и спекся!
Подвела меня — ведь я предупреждал!—
дыхалка:
пробежал всего два круга — и упал.
А жалко!
И наш тренер, экс- и вице-чемпион
ОРУДа,
не пускать меня велел на стадион,—
нуда!

Ведь вчера мы только брали с ним с тоски
по банке,
а сегодня он кричит: «Меняй коньки —
на санки!»
Жалко тренера, — он тренер неплохой, —
ну бог с ним!
Я ведь нынче занимаюсь борьбой
и боксом.
Не имею больше я на счет на свой
сомнений.
Все вдруг стали очень вежливы со мной,
и — тренер.

ВРАТАРЬ

Л. Яшину

Да, сегодня я в ударе, не иначе, —
надрываются в восторге москвичи —
я спокойно прерываю передачи
и зытаскиваю мертвые мячи.

Вот судья противнику пенальти назначает, —
репортеры тучею кишат у тех ворот.
Лишь один упрямо за моей спиной скучает —
он сегодня славно отдохнет!

Извиняюсь,
вот мне бьют головой...
Я касаюсь —
подают угловой.
Бьет десятый — дело в том,
что своим «сухим листом»
размочить он может счет нулевой.

Мяч в моих руках — с ума трибуны сходят —
хоть десятый его ловко завернул.
У меня давно такие не проходят!..
Только сзади кто-то тихо вдруг вздохнул.

Обернулся — голос слышу из-за фотокамер.
«Извини, но ты мне, парень, снимок заперол
Что тебе — ну, лишний раз потрогать мяч руками,
ну а я бы снял красивый гол».

Я хотел его послать —
не пришлось
еле-еле мяч достать
удалось.
Но едва успел привстать,
слышу снова: «Вот опять!
Все б ловить тебе, хватать, не дал снять».

«Я, товарищ дорогой, все понимаю,
но культурно вас прошу: подите прочь!
Да, вам лучше, если хуже я играю,
но поверьте — я не в силах вам помочь».

Вот летит девятый номер с пушечным ударом,
репортер бормочет: «Слушай, дай ему забить!
Я бы всю семью твою всю жизнь снимал задаром» —
чуть не плачет парень. Как мне быть?

«Это все-таки футбол,—
говоря,—
нож по сердцу каждый гол —
вратарю» —
«Да я тебе как вратарю
лучший снимок подарю,
пропусти — а я отблагодарю!»

Гнусь как ветка от напора репортера,
неуверенно иду наперехват...
 Попрошу-ка потихонечку партнеров,
чтоб они ему разбили аппарат.

Ну, а он все ноет: «Это, друг, бесчеловечно.
Ты, конечно, можешь взять, но только извини:
это лишь момент, а фотография — навечно.
А ну не шевелись, потяни!»

Пятый номер в двадцать два —
знаменит.

Не бежит он, а едва
семенит.

В правый угол мяч, звеня,—
значит, в левый от меня —
залегает и нахально лежит.

В этом тайме мы играли против ветра,
так что я не мог поделаться ничем...
Снимок дома у меня — два на три метра —
как свидетельство позора моего.

Проклинаю миг, когда фотографу потрафил,
ведь теперь я думаю, когда беру мячи:
сколько ж мной испорчено прекрасных фотографий!..
Сгяд меня терзает, хоть кричи!

Искуситель змей, палач!
Как мне жить?!

Так и тянет каждый мяч
пропустить.

Я весь матч борюсь с собой,
видно, жребий мой такой..
Так, спокойно — подают угловой...

ЧЕСТЬ ШАХМАТНОЙ КОРОНЫ

Подготовка

Я кричал: «Вы что там, обалдели,—
уронили шахматный престиж!»
Мне сказали в нашем спортотделе:
«Вот прекрасно, ты и защитишь.

Но учти, что Фишер очень ярок,
даже спит с доскою — сила в нем.
Он играет чисто, без помарок...»
Ничего, я тоже не подарок,
у меня в запасе ход конем.

Ох вы, мускулы стальные,
пальцы цепкие мои!
Эх, резные, расписные,
деревянные лады!

Друг мой, футболист, учил: «Не бойся,
он к таким партнерам не привык.
За тылы и центр не беспокойся,
а играй по краю — напрямик...»

Я налег на бег, на стометровки,
в бане вес согнал, отлично сплю,
были по хоккею тренировки...
В общем, после этой подготовки
я его без мата задавлю.

Ох вы, сильные ладони,
мышцы крепкие спины!
Эх вы, кони мои, кони,
ах вы, милые слоны!

«Не спеши и, главное, не горбись,—
так боксер беседовал со мной,—
в ближний бой не лезь, работай в корпус,
помни, что коронный твой — прямой».

Честь короны шахматной — на карте!
Он от поражения не уйдет:
мы сыграли с Талем десять партий —
в преферанс, в очко и на бильярде.
Таль сказал: «Такой не подведет».

Ох, рельеф мускулатуры,
мышцы крепкче спины!
Эх вы, легкие фигуры,
ах вы, кони да слоны!

И в буфете, для других закрытом,
повар успокоил: «Не робей!
Да с таким прекрасным аппетитом —
ты проглотишь всех его коней!

Ты присядь перед дорогой дальней —
и бери с питанием рюкзак,
на двоих готовь пирог пасхальный:
этот Шифер — хоть и гениальный,
а небось покушать не дурак!»

Будет тихо все и глухо,
а на всякий там цейтнот
существует сила духа
и красивый апперкот.

Не скажу, чтоб было без задорин,—
были анонимки и звонки.
Я всем этим только раззадорен,
только зачесались кулаки.

Напугали даже спозаранка.
«Шифер может левою ногой
с шахматной машиной Капабланка,
сам он вроде заводного танка...»
Ничего, я тоже заводной!

Ох мы — крепкие орешки!
Эх, корону привезем!
Спать ложуся — вроде пешки
просыпаюся — ферзем!

Игра

Только прилетели — сразу сели.
Фишки все заранее стоят.
Фоторепортеры налетели —
и спят, и с толку сбить хотят.

Но меня и дома — кто положит?
Репортерам с ног меня не сбить!..
Мне же неумение поможет:
этот Шифер ни за что не сможет
угадать, чем буду я ходить.

Выпало ходить ему, задире.
Говорят, он белыми мастак.
Сделал ход с е-2 на е-4 —
что-то мне знакомое... Так-так!..

Ход за мной. Что делать?! Надо, Сева, —
наугад, как ночью по тайге...
Помню — всех главнее королева:
ходит взад-вперед и вправо-влево,
пу а кони — только буквой «Г».

Эх, спасибо заводскому другу —
научил, как ходят, как сдают...
Выяснилось позже — я с испугу
разыграл классический дебют!

Все гляжу, чтоб не было промашки,
вспоминаю повара в тоске.
Эх, сменить бы пешки на рюмашки,
сразу б прояснилось на доске!

У него ферзи, ладьи — фигуры!
И слоны опасны и сильны.
У меня же все фигуры — дуры:
королевы у меня и тўры,
офицеры — это ж не слоны!

Вижу, он нацеливает вилку —
хочет есть. И я бы съел ферзя...
Под такой бы закусь да — бутылку!
Но во время матча пить нельзя.

Я голодный, посудите сами:
здесь у них лишь кофе да омлет.
Клетки — как круги перед глазами,
королей я путаю с тузами
и с дебютом путаю дуплет.

Есть примета — вот я и рискую:
в первый раз должно мне повезти.
Я его замучу, зашахую —
мне бы только дамку провести!

Не мычу, не тѣдуюсь, весь — как вата.
Надо что-то бить — уже пора!
Чем же бить? Ладьей — страшновато.
Справа в челюсть — вроде рановато,
неудобно — первая игра.

...Он мою защиту разрушает
старую индийскую — в момент.
Это смутно мне напоминает
индо-пакистанский инцидент.

Только зря он шутит с нашим братом —
у меня есть мера, даже две:
если он меня прикончит матом,
я его — через бедро с захватом
или — ход конем — по голове!

Я еще чуток добавил прыти —
все не так уж сумрачно вблизи.
В мире шахмат пешка может выйти —
если тренируется — в ферзи!

Шифер стал на хитрости пускаться:
встанет, пробежится и — назад,
предложил турами поменяться —
ну еще б ему не опасаться:
я же лежа жму сто пятьдесят!

Я его фигурку смерил оком,
и когда он объявил мне шах,
обнажил я бицепс ненароком,
даже снял для верности пиджак.

И мгновенно в зале стало тише,
он заметил, как я привстаю...
Видно, ему стало не до фишек —
и хваленый пресловутый Фишер
тут же согласился на ничью.

ВЕС ВЗЯТ

В. Алексееву

Как спорт — поднятье тяжестей не ново
в истории народов и держав:
вы помните, как некий грек другого
поднял и бросил, чуть попридержав?

Как шею жертвы, круглый гриф сжимаю
Овации услышу или свист?
Я от земли Антея отрываю,
как первый древнегреческий штангист.

Не отмечен грацией мустанга,
скован я, в движениях не скор.
Штанга, перегруженная штанга —
вечный мой соперник и партнер.

Такую неподъемную громаду
врагу не пожелаю своему.
Я подхожу к тяжелому снаряду
с тяжелым чувством: вдруг не подниму?!

Мы оба с ним как будто из металла,
но только он — действительно металл.
А я так долго шел до пьедестала,
что вмятины в помосте протоптал.

Не отмечен грацией мустанга,
скован я, в движениях не скор.
Штанга, перегруженная штанга —
вечный мой соперник и партнер.

Повержен враг на землю. Как красиво!
Но крик «Вес взят!» у многих на слуху.
Вес взят — прескрасно, но несправедливо:
ведь я внизу, а штанга наверху.

Такой триумф подобен пораженью,
а смысл победы до смешного прост:
все дело в том, чтоб, завершив движенье,
с размаху штангу бросить на помост!

Не отмечен грацией мустанга,
скован я, в движениях не скор.
Штанга, перегруженная штанга —
вечный мой соперник и партнер.

Он вверх ползет — чем дальше, тем безвольней,
мне напоследок мышцы рвет по швам.
И со своей высокой колокольни
мне зритель крикнул «Брось его к чертям!»

Еще одно последнее мгновенье —
и брошен наземь мой железный бог!
Я выполнял обычное движенье
с коротким, злым названием «рывок».

БАЛЛАДА О БАНЕ

Благодать или благословенье
ниспошли на подручных своих —
дай им, Бог, совершить омовенье,
окунаясь в святая святых!

Все пороки, грехи и печали,
равнодушье, согласие и спор —
пар, который вот только наддали,
вышибает как пулей из пор.

Все, что мучит тебя, — испарится
и поднимется вверх, к небесам.
Ты ж, очистившись, должен спуститься —
пар с грехами расправится сам.

Не стремись прежде времени к душе,
не равняй с очищением мытье, —
надо выпороть веником душу,
нужно выпарить смрад из нее.

Исцеленьем от язв и уродства —
этот душ из живительных вод,
это словно возврат первородства.
Или нет — осушение болот.

Здесь нет голых — стесняться не надо,
что кривая рука да нога.
Здесь — подобие райского сада:
пропуск тем, кто раздет донага.

И в предбаннике сбросивши вещи,
всю одетость свою позабудь:
одинаково веничек хлещет,
как ты там ни выпячивай грудь!

Все равны здесь единым богатством,
все легко переносят жару,—
здесь свободу и равенство с братством
ощущаешь в крошечном пару.

Загоняи поколения в парную
и крещение принять убеди!
Лей на нас свою воду святую —
и от варварства освободи!

Благодать или благословенье
ниспошли на подручных твоих —
дай им, Бог, совершить омовенье,
окунаясь в святая святых!

* * *

И вкусы и запросы мои странны,
я экзотичен, мягко говоря:
могу одновременно грызть стаканы
и Шиллера читать без словаря.

Во мне два «Я», два полюса планеты,
два разных человека, два врага.
Когда один стремится на балеты —
другой стремится прямо на бега!

Я лишнего и в мыслях не позволю,
когда живу от первого лица.
Но часто вырывается на волю
второе «Я» в обличье подлеца.

И я борюсь, давлю в себе мерзавца
О, участь беспокойная моя!
Боюсь ошибки — может оказаться,
что я давлю не то второе «Я».

Когда в душе я раскрываю гранки —
на тех местах, где искренность сама, —
тогда мне в долг дают официантки
и женщины ласкают задарма.

Но вот летят к чертям все идеалы,
но вот я груб, я нетерпим и зол.
Но вот сижу и тупо ем бокалы,
забрасывая Шиллера под стол.

...А суд идет, весь зал мне смотрит в спину.
Вы, прокурор, вы, гражданин судья,
поверьте мне, не я разбил витрину,
а подлое мое второе «Я».

И я прошу вас: строго не судите,
лишь дайте срок (но не давайте срок!) —
я буду посещать суды как зритель
и к судьям заходить на огонек.

И я клянусь вам искренне, публично:
старания свои утрою я —
и поборю раздвоенную личность
и — не мое — мое второе «Я».

Я больше не намерен бить витрины
и лица граждан — так и запиши!
Я воссоединю две половины
моей больной, раздвоенной души.

Искореню, похороню, зарюю,
очищусь, ничего не скрою я!
Мне чуждо это «Я» мое второе...
Нет! Это не мое второе «Я».

ДИАЛОГ У ТЕЛЕВИЗОРА

— Ой, Вань, смотри, какие клоуны,
рот — хоть завязочки пришей...
Ой, до чего, Вань, размалеваны,
и голос, как у алкашей!
А тот похож — нет, правда, Вань,—
на шурина — такая ж пьянь.
Ну нет, ты глянь, нет-нет, ты глянь,—
я правда, Вань!..

— Послушай, Зин, не трогай шурина:
какой ни есть, а он — родня.
Сама намазана, прокурена —
гляди, дождешься у меня!
А чем болтать — взяла бы, Зин,
в антракт сгоняла в магазин.
Что, не пойдешь? Ну, я один,—
подвинься, Зин...

— Ой, Вань, гляди, какие карлики,—
в джерси одеты, не в шевьет,—

на нашей пятой швейной фабрике
такое вряд ли кто пошьет.
А у тебя, ей-богу, Вань,
ну все друзья — такая рвань
и пьют всегда в такую рань
такую дрянь!..

— Мои друзья хоть не в болонии,
зато не тащат из семьи.
А гадость пьют — из экономии,
хоть поутру — да на свои!
А у тебя самой-то, Зин,
приятель был с завода шин,
так тот — вообще хлебал бензин,
ты вспомни, Зин!..

— Ой, Вань, гляди-кось, попугайчики!
Нет, я, ей-богу, закричу!..
А это кто в короткой маечке?
Я, Вань, такую же хочу.
В конце квартала — правда, Вань,—
ты мне такую же сваргань..
Ну, что «отстань», опять «отстань»,—
обидно, Вань!

— Ты, Зина, лучше помолчала бы —
накрылась премия в квартал!
Кто мне писал на службу жалобы?
Не ты?! Да я же их читал!
К тому же эту майку, Зин,
тебе напяль — позор один
Тебе ж шитья пойдет аршин —
где деньги, Зин?..

— Ой, Вань, умру от акробатиков!
Смотри, как вертится, нахал!

Завцеха наш, товарищ Сатиков,
недавно в клубе так скакал.
А ты придешь домой, Иван,
поешь — и сразу на диван,
иль вон кричишь, когда не пьян...
Ты что, Иван?

— Ты, Зин, на грубость нарываешься,
все, Зин, обидеть норовишь.
Тут за день так накувыркаешься...
Придешь домой — там ты сидишь!..
Ну, и меня, конечно, Зин,
все время тянет в магазин,
а там друзья... Ведь я же, Зин,
не пью один.

Ого, однако же — гимнасточка!
Гляди-кось, ноги на винтах.
У нас в кафе молочном «Ласточка»
официантка может так.
А у тебя подруги, Зин,
все вяжут шапочки для зим,
от ихних скучных образин
дурешь, Зин!..

— Как, Вань,— а Лилька Федосеева,
кассирша из ЦПКО?
Ты к ней все лез на новоселие,
она — так очень ничего!..
А чем ругаться, лучше, Вань,
поедем в отпуск в Еревань,
ну, что «отстань» — всегда «отстань»!
Обидно, Вань...

МИЛИЦЕЙСКИЙ ПРОТОКОЛ

Считай по-нашему, мы выпили не много.
Не вру, ей-богу! Скажи, Серега!
И если б водку гнать не из опилок,
то что б нам было с пяти бутылок!..

...Вторую пили близ прилавка в закуточке.
Но это были еще цветочки.
Потом в скверу, где детские грибочки.
Потом... не помню — дошел до точки.

Я пил из горлышка с устатку и не евши,
но как стекло был — остекленевший...
Ну, а когда коляска подкатила,
тогда в нас было — семьсот на рыло!

Мы, правда, третьего насильно затащили.
Но тут промашка — переборщили!
А что очки товарищу разбили —
так то портвейном усугубили.

Товарищ первый нам сказал, что, мол, уймнитесь,
что не буяньте, что разойдитесь.
На «разойтись» я сразу ж согласился —
и разошелся, и расходился.

Но если я кого ругал — карайте строго!
Но это — вряд ли! Скажи, Серега!
А что упал — так то от помутнения,
орал не с гося — от отупенья.

...Теперь давайте пару слов без протокола.
Чему нас учит семья и школа?
Что жизнь сама таких накажет строго.
Тут мы согласны. Скажи, Серега!

Вот он проснется утром и, конечно, скажет.
Пусть жизнь осудит, пусть жизнь накажет!
Так отпустите — вам же легче будет:
чего возиться, раз жизнь осудит!

Вы не глядите, что Сережа все кивает,—
он соображает, все понимает!
А что молчит — так это от волнения,
от осознания и просветления.

Не запирайте, люди,— плачут дома детки,
ему же в Химки, а мне в Медведки!..
Да, все равно: автобусы не ходят,
метро закрыто, в такси не содят.

Приятно все-таки, что нас тут уважают,
гляди, подвозят, гляди, сажают.
Разбудит утром не петух, прокукарекав,
сержант поднимет — как человек!

Нас чуть не с музыкой проводят, как проспимся.
Я рупь заначил! Слышь, Сергей,— опохмелимся!
И все же, брат, трудна у нас дорога!
Эх, бедолага! Ну спи, Серега!..

* * *

Не берись, коль не умеешь,
не умеючи — не трожь.
Не подмажешь — не поедешь,
а подмажешь — упадешь.

Эх, недаром говорится:
мастер дела не боится.
А боится дело это
Ваню — мастера паркета.

Посередке всей эпохи
ты на щетках попляши.
С женским полом шутки плохи,
а с натертым хороши!

Говорят, не нужно скоро
будет званье полотера.
В наше время это мненье —
роковое заблужденье.

Даже в этой пятилетке
на полу играют детки,
проливают детки слезы
от какой-нибудь занозы.

Пусть елозят наши дети,
пусть играют в юлу
на натертом на паркете —
на надраенном полу.

ПЕСНЯ ЗАВИСТНИКА

Мой сосед объездил весь Союз.
Что-то ищет, а чего — не видно.
Я в дела чужие не суюсь,
но мне очень больно и обидно.

У него на окнах плюш и шелк.
Клава его шастает в халате.
Я б в Москве с киркой уран нашел
при такой повышенной зарплате.

И сдается мне, что люди врут,—
он нарочно ничего не ищет.
Для чего? — ведь денежки идут,
ох, какие крупные деньжищи!

А вчера на кухне ихний сын
головой упал у нашей двери —
и разбил нарочно мой графин,
я — мамаше счет в тройном размере.

Ему, значит, рупь — а мне пятак?!
Пусть теперь мне платит неустойку.
Я ведь не из зависти, я так —
ради справедливости, и только.

.. Ничего, я им создам уют —
живо он квартиру обменяет.
У них денег — куры не клюют,
а у нас на водку не хватает.

ПЕСНЯ АВТОМОБИЛИСТА

Отбросив прочь свой деревянный посох,
упав на снег и полежав ничком,
я встал — и сел в «погибель на колесах»,
презрев передвижение пешком.

Я не предполагал играть с судьбою,
не собирался спирт в огонь подлить,
я просто этой быстрою ездой
намеревался жизнь себе продлить.

Подошвами своих спортивных «чешек»
топтал я прежде тропы и полы,—
и был неуязвим я для насмешек,
и был недосыгаем для хулы.

Но я в другие перешел разряды,—
меня не примут в общую кадриль.
Я еду, я ловлю косые взгляды
и на меня, и на автомобиль.

Прервав общенье и рукопожатья,
отворотилась прочь моя среда.
Но кончилось глухое неприятье —
и началась открытая вражда.

Я в мир вкатился, чуждый нам по духу,
все правила движения поправ.
Орудовцы мне робко жали руку,
вручая две квитанции на штраф.

Я во вражду включился постепенно,
я утром зрел плоды ночных атак:
морским узлом завязана антенна...
То был намек: с тобою будет так!

Прокравшись огородами, полями,
вонзали шило в шины, как кинжал.
Я ж отбивался целый день рублями,
и не сдавался, и в боях мужал.

Безлунными ночами я нередко
противника в засаде поджидал,
но у него поставлена разведка
и он в засаду мне не попадал.

И вот — как «языка» — бесшумно сняли
передний мост и унесли во тьму.
Передний мост!.. Казалось бы — детали...
Но без него и задний ни к чему.

Я доставал мосты, рули, колеса...
Не за глаза красивые — за мзду.
Но понял я: не одолеть колосса.
Назад — пока машина на ходу!

Назад, к моим нетленным пешеходам!
Пусти назад, о, отворись, сезам!
Назад, в метро — к подземным переходам!
Назад, руль влево и — по тормозам!

Восстану я из праха, вновь обыден,
и улыбнусь, выплевывая пыль.
Теперь народом я не ненавижим
за то, что у меня автомобиль!

* * *

Так дымно, что в зеркале нет отраженья,
и даже напротив не видно лица,
и пары успели устать от круженья,—
и все-таки я допою до конца.

Все нужные ноты давно
сыграли,
сгорело, погасло вино
в бокале,
минутный порыв говорить —
пропал..
Нет, лучше мне молча допить
бокал..

Полгода не балует солнцем погода,
и души застыли под коркою льда,
и, видно, напрасно я жду ледохода,
и память не может согреть в холода.

В оркестре играют устало, сбиваясь,
смыкается круг — не прорвать мне кольца..
Спокойно! Я должен уйти улыбаясь,
но все-таки я допою до конца.

Все нужные ноты давно
сыграли,
сгорело, погасло вино
в бокале,
тусклей, равнодушной оскал
зеркал..
И лучше мне просто разбить
бокал!

* * *

Не впадай ни в тоску, ни в азарт ты
даже в самой невинной игре,
не давай заглянуть в свои карты
и до срока не сбрось козырей.

Отключи посторонние звуки
и следы, чтоб не прятал глаза,
чтоб держал он на скатерти руки
и не смог передернуть туза.

Никогда не тянись за деньгами.
Если ж ты, проигравши, поник —
как у Пушкина в «Пиковой даме», —
ты останешься с дамою пик.

Если ж ты у судьбы не в любимцах, —
сбрось очки и закончи на том.
Крикни. — Карты на стол, проходимцы! —
и уйди с огрешенным лицом.

СЛУЧАЙ В РЕСТОРАНЕ

В ресторане по стенкам висят тут и там —
«Три медведя», «Заколотый витязь» .

За столом одиноко сидит капитан.

— Разрешите? — спросил я.

— Садитесь

— Закури.

— Извините, «Казбек» не курю.

— Ладно, выпей Давай-ка посуду.

Да пока принесут... Пей, кому говорю!
Будь здоров!
— Обязательно буду.

— Ну так что же,— сказал, захмелев, капитан,—
водку пьешь ты красиво, однако.
А видал ты вблизи пулемет или танк,
а ходил ли ты, скажем, в атаку?
В сорок третьем под Курском я был старшиной,
за мою спиной такое...
Много всякого, брат, за мою спиной,
чтоб жилось тебе, парень, спокойно...

Он ругался и пил, он спросил про отца,
и кричал он, уставясь на блюдо:
«Я полжизни отдал за тебя, подлеца,
а ты жизнь прожигаешь, паскуда.
А винтовку тебе? А послать тебя в бой?!
А ты водку тут хлещешь со мною!..»
Я сидел, как в окопе под Курской дугой,—
там, где был капитан старшиною.

Он все больше хмелел. Я — за ним по пятам.
Только в самом конце разговора
я обидел его — я сказал: «Капитан,
никогда ты не будешь майором!»

* * *

*Иногда как-то вдруг вспоминается
из войны пара фраз —
например, что сапер ошибается
только раз.*

Зарыты в нашу память на века
и даты, и события, и лица,
а память, как колодец — глубока:
попробуй заглянуть — наверняка
лицо — и то — неясно отразится.

Разглядеть, что истинно, что ложно,
может только беспристрастный суд:
осторожно с прошлым, осторожно,—
не разбейте глиняный сосуд.

Одни его лениво ворошат,
другие неохотно вспоминают,
а третьи даже помнить не хотят,—
и прошлое лежит, как старый клад,
который никогда не раскопают.

И поток годов унес с границы
стрелки — указатели пути,
очень просто в прошлом заблудиться —
и назад дороги не найти.

С налета не вины — повремени:
есть у людей на все свои причины —
не скрыть, а позабыть хотя бы они,—
ведь в толще лет еще лежат в тени
забытые заржавленные мины.

В минном поле прошлого копать —
лучше без ошибок, потому
что на минном поле ошибаться
просто абсолютно ни к чему

Один толчок — и стрелки побегут,—
а нервы у людей не из каната,—
и будет взрыв, и перетрется жгут .
Но, может, мину вовремя найдут
и извлекут до взрыва детонатор!

Спит земля спокойно под цветами,
но когда находят мины в ней —
их берут умелыми руками
и взрывают дальше от людей

**ЕРНОЕ
ЗОЛОТО**

ДАЛЬНИЙ РЕЙС

Мы без этих колес — словно птицы без крыл.
Пуще зелья нас приворожила
пара сот лошадиных сил
и, наверно, нечистая сила.

Говорят, все конечные пункты Земли
нам маячат большими деньгами,
километры длиною в рубли,
говорят, остаются за нами.

Хлестнет по душам
наш конечный пункт —
моторы глушим,
и плашмя на грунт!
Пусть говорят — мы за рулем
за длинным гонимся рублем...
Да, это — тоже, но суть не в том.

Нам — то тракты прямые, то петли шоссе...
Эх, еще бы чуток шоферов нам!
Не надеюсь, что выдержат все —
не сойдут на участке неровном.

Но я скатом клянусь — тех, кого мы возьмем
на два рейса на нашу галеру,—
живо в божеский вид приведем
и, понятно, в шоферскую веру.

И нам, трехосным,
тяжелым на подъем
и в переносном
смысле и в прямом,
обычно — надо позарез,
и вечно — времени в обрез!
Оно понятно — далекий рейс...

В дальнем рейсе сиденье — то стол, то лежак,
а напарник считается братом.
Просыпаемся на виражах,
на том свете почти правым скатом.

На колесах наш дом, стол и кров за рулем —
это надо учитывать в сметах.
Мы друг с другом расчеты ведем
общим сном в придорожных кюветах.

Земля нам пухом,
когда на ней лежим,—
полдня под брюхом
что-то ворожим.
Мы не шагаем по росе —
все наши оси, тонны все
в дугу сгибают мокрое шоссе.

Обгоняет нас вся мелкота, и слегка
нам обгоны, конечно, обидны.
Но мы смотрим на них свысога —
а иначе нельзя из кабины.

Чехарда дней, ночей, то лучей, то теней...
Но в ночные часы перехода —
перед нами стоит без сигнальных огней
шоферская лихая свобода!

Сиди и грейся,—
болтает, как в седле..
Без дальних рейсов —
нет жизни на земле!
Кто на себе поставил крест,
кто сел за руль, как под арест,
тот не способен на дальний рейс!

ДОРОЖНАЯ ИСТОРИЯ

Я вышел ростом и лицом —
спасибо матери с отцом,
с людьми в ладу — не понукал, не помыкал,
спины не гнул — прямым ходил,
и в ус не дул, и жил как жил,
и голове своей руками помогал

Бродяжил — и пришел домой
уже с годами за спиной.
Висят года на мне — ни бросить, ни продасть.
Но на начальни~~ка~~ попал,
который бойко вербовал,—
и за Урал машины стал перегонять.

Дорога, а в дороге — МАЗ,
который по уши увяз.
В кабине тьма, напарник третий час молчит.
Хоть бы кричал, аж зло берет —
назад пятьсот, пятьсот вперед,—
а он зубами «танец с саблями» стучит.

Мы оба знали про маршрут,
что этот МАЗ на стройках ждут.

А наше дело — сел, поехал — ночь, полночь!
Ну надо ж так — под Новый год
назад пятьсот, пятьсот вперед,
сигналим зря — пурга, и некому помочь!

«Глуши мотор, — он говорит, —
пусть этот МАЗ огнем горит!»
Мол, видишь сам — тут больше нечего ловить,
мол, видишь сам — кругом пятьсот,
и к ночи точно — занесет,
так заровняет, что не надо хоронить!..

Я отвечаю: «Не канючь!» —
а он — за гаечный за ключ
и волком смотрит (он вообще бывает крут).
А что ему — кругом пятьсот,
и кто кого переживает,
тот и докажет, кто был прав, когда припрут.

Он был мне больше чем родня, —
он ел с ладони у меня.
А тут глядит в глаза — и холодно спине.
А что ему — кругом пятьсот,
и кто там после разберет,
что он забыл, кто я ему и кто он мне!

И он ушел куда-то вбок.
Я отпустил, а сам прилег,
мне снился сон про наш веселый наворот:
что будто вновь кругом пятьсот,
ищу я выход из ворот,
но нет его, есть только вход — и то не тот.

Конец простой: пришел тягач,
и там был трос, и там был врач,

и МАЗ попал — куда положено ему,
и он пришел — трясется весь...
А там опять далекий рейс...
Я зла не помню — я опять его возьму.

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО

Не космос — метры грунта надо мной,
и в шахте не до праздничных процессий,
но мы владеем тоже взеземой —
и самую земную из профессий!

Любой из нас — ну чем не чародей?!
Из преисподни наверх уголь мечем.
Мы топливо отнимем у чертей —
свои котлы топить им будет нечем!

Взорвано,
 уложено,
 сколото
 черное
 надежное
 золото.

Да, сами мы — как дьяволы — в пыли,
зато наш поезд не уйдет порожний.
Терзаем чрево матушки-Земли,
но на земле теплее и надежней.

Вот вагонетки, душу веселя,
проносятся, как в фильме о погонях,
и шуточку «Даешь стране угля!»
мы чувствуем на собственных ладонях.

Взорвано,
 уложено,
 сколото
черное
 надежное
 золото.

Да, мы бываем в крупном барыше,
но роём глубже: голод — ненасытен.
Порой копаться в собственной душе
мы забываем, роясь в антраците.

Воронками изрытые поля
не позабудь — и оглянись во гневе!
Но нас, благословенная Земля,
прости за то, что роёмся во чреве.

Взорвано,
 уложено,
 сколото
черное
 надежное
 золото.

Вгрызаясь в глубь веков хоть на виток
(то взрыв, то лязг — такое безгитарье!), —
вот череп вскрыл отбойный молоток,
задев кору большого полушарья.

Не бойся заблудиться в темноте
и захлебнуться пылью — не один ты!
Вперед и вниз! Мы будем на щите —
мы сами рыли эти лабиринты!

Взорвано,
 уложено,
 сколото
черное
 надежное
 золото.

ПЕСНЯ СТУДЕНТОВ-АРХЕОЛОГОВ

Наш Федя с детства связан был с землею —
домой таскал и щебень и гранит...
Однажды он домой принес такое,
что папа с мамой плакали навзрыд.

Студентом Федя очень был настроен
поднять археологию на щит —
Он в институт пригласивал такое,
что мы кругом все плакали навзрыд.

Привез он как-то с практики
два ржавых экспонатика
и утверждал, что это — древний клад.
Потом однажды в Элисте
нашел вставные челюсти
размером с самогонный аппарат.

Диплом писал про древние святыни,
о скифах, о языческих богах.
При этом так ругался по-латыни,
что скифы эти корчились в гробах.

Он древние строения
искал с остервенением

и часто диким голосом кричал,
что есть еще пока тропа,
где встретишь питекантропа,
и в грудь себя при этом ударял.

Он жизнь решил закончить холостую
и стал бороться за семейный быт.
«Я,— говорил,— жену найду такую —
от зависти заплачете навзрыд!»

Он все углы облазил — и
в Европе был, и в Азии —
и вскоре раскопал свой идеал.
Но идеал связать не мог
в археологии двух строк,—
и Федя его снова закопал.

ТЮМЕНСКАЯ НЕФТЬ

Один чужак из партии геологов
сказал мне, вылив грязь из сапога:
«Послал же бог на головы нам олухов!
Откуда нефть — когда кругом тайга?!

И деньги — в прорву!.. Лучше бы на тыщи те
построить ресторан на берегу!
Вы ничего в Тюмени не отыщете —
в болото вы вгоняете деньгу!»

И шлю депеши в Центр из Тюмени я:
«Дела идут, все боле-менее!..»
Мол, рою землю, но пока у многих мнение,
что меньше «более» у нас, а больше «менее».

А мой рюкзак —
пустой на треть.
А с нефтью как?
Да будет нефть!

Давно прошли открытий эпидемии,
и с лихорадкой поисков — борьба.
И дали заключение в Академии:
«В Тюмени с нефтью — полная труба!»

Нет бога нефти здесь — перекочую я.
Раз бога нет — не будет короля!
Но только вот нутром и носом чую я,
что подо мной не мертвая земля!..

И шлю депеши в Центр из Тюмени я:
«Дела идут, все боле-менее».
Мне отвечают, что у них такое мнение,
что меньше «более» у нас, а больше «менее».

Пустой рюкзак —
исчезла снедь...
А с нефтью как?
Да будет нефть!

И нефть пошла! Мы, по болотам рыская,
не на пол-литра выиграли спор!
Тюмень, Сибирь, земля хантымансийская
сквозила нефтью из открытых пор...

Моряк, с которым столько переругано —
не помню уж, с какого корабля,—
все перепутал и кричал испуганно:
«Земля! Смотрите, братики, земля!»

И шлю депеши в Центр из Тюмени я:
«Дела идут, все боле-менее».
Мне не поверили, и оставалось мнение,
что меньше «более» у нас, а больше «менее».

Но подан знак:
«Бурите здесь!»
А с нефтью как?
Да будет нефть!

И бил фонтан и рассыпался искрами.
При свете их я бога увидал:
по пояс голый, он с двумя канистрами
холодный душ из нефти принимал...

И ожила земля, и помню ночью я
на той земле танцующих людей!..
Я счастлив, что, превысив полномочия,
мы взяли риск — и вскрыли вены ей!

И шлю депеши в Центр из Тюмени я:
«Дела идут, все боле-менее»,
что прочь сомнения, что есть месторождение,
что больше «более» у нас, и меньше «менее»...

Так я узнал —
бог нефти есть,
и он сказал:
«Да будет нефть!»

Депешами не простучался в двери я,
а вот канистры в цель попали, в цвет:
одну принес под двери недоверия,
другую внес в высокий кабинет.

Я доложил про смену положения;
отрекся сам владыка тьмы и тли,
вчера я лично принял отречение
и вышел в нефтяные короли!

* * *

*А. Назаренко и экипажу теплохода
«Шота Руставели»*

Лошадей двадцать тысяч в машины зажаты,
и хрипят табуны, стервенея, внизу.
На глазах от натуги худеют канаты,
из себя на причал выжимая слезу.

И команды короткие, злые
быстрый ветер унесит во тьму:
«Кранцы за борт!», «Отдать носовые!»
и «Буксир, подработать корму!»

Капитан, чуть улыбаясь,—
все, мол, верно, молодцы,—
от земли освобождаясь,
приказал рубить концы.

Только снова назад обращаются взоры,
цепко держит земля, все и так, и не так.
Почему слишком долго не сходятся створы.
почему слишком часто моргает маяк?

Всё в порядке, конец всем вопросам.
Кроме вахтенных, всем — отдыхать.
Но пустуют каюты — матросам
к той свободе еще привыкать.

Капитан, чуть улыбаясь,
молвил только: «Молодцы!»
От земли освобождаясь,
нелегко рубить концы.

Переход — двадцать дней. Рассыхаются шлюпки,
нынче утром последний отстал альбатрос...
Хоть бы шторм! Или лучше, чтоб в радиорубке
обалдевший радист принял чей-нибудь SOS.

Так и есть: трое — месяц в корыте,
яхту вдребезги кит разобрал...
Да за что вы нас благодарите?!
Вам спасибо за этот аврал!

Капитан, чуть улыбаясь,
бросил только: «Молодцы!» —
тем, кто с жизнью расставаясь,
не хотел рубить концы.

И опять будут Фиджи, и порт Кюрасао,
и еще чёрта в ступе, и бог знает что,
и красивейший в мире фиорд Милфорд-Саунд —
все, куда я ногой не ступал, но зато —

пришвартуетесь вы на Таити
и покрутите запись мою —
через самый большой усилитель
я про вас на Таити спою.

Скажет мастер, улыбаясь,
мне и песне: «Молодцы!»
Так, на суше оставаясь,
я везде креплю концы.

И опять продвигается, словно на ринге,
по воде осторожная тень корабля.
В напряженье матросы, ослаблены шпринги.
«Руль полборта налево!» — и в прошлом земля.

ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК

Хорошо, что за ревом не слышалось звука,
что с позором своим был один на один...
Я замешкался возле открытого люка
и забыл пристегнуть карабин.

Мне инструктор помог — и коленом пинок --
перейти этой слабости грань.
За обычное наше «Смелее, сынок!»
принял я его сонную брань.

И оборвали крик мой,
и обожгли мне щеки
холодной острой бритвой
восходящие потоки.
И звук обратно в печень мне
вогнали вновь на вдохе
веселые, беспечные
воздушные потоки.

Я попал к ним в умелые, цепкие руки:
мнут, швыряют меня — что хотят, то творят!
И с готовностью я сумасшедшие трюки
выполняю, шутя, все подряд.

Есть ли в этом паденье какой-то резон —
я узнаю потом, а пока:

то валился в лицо мне земной горизонт,
то шарахались вниз облака...

И обрывали крик мой,
и выбривали щеки
холодной острой бритвой
восходящие потоки.
И кровь вгоняли в печень мне,
упрямы и жестоки,
невидимые встречные
воздушные потоки.

Но рванул я кольцо на одном вдохновенье,
как рубаху от ворота или чеку.
Это было в случайном, свободном паденье —
восемнадцать недолгих секунд.

А теперь некрасив я, горбат с двух сторон,
в каждом горбе — спасительный шелк.
Я на цель устремлен, и влюблен, и влюблен
в затяжной, неслучайный прыжок.

И обрывают крик мой
и обрывают щеки,
холодной острой бритвой
скользят по мне потоки.
И задувают в печень мне
на выдохе и вдохе
бездушные, но вечные
воздушные потоки.

Я лечу — треугольники, ромбы, квадраты,
проявляются в реки, озера, луга.
Только воздух густеет, твердеет, проклятый,
он мне враг — парашютный слуга!

А машина уже на посадку идет,
в землю сплюнув в отчаянье мной.
Буду я на земле раньше, чем самолет,
потому что прыжок — затяжной.

И обрывают крик мой,
и выбривают щеки —
тупой холодной бритвой
скребут по мне потоки.
На мне мешки заплечные,
встречаю — руки в боки ---
шалыные, быстротечные
воздушные потоки.

Беспримерный прыжок из глубин стратосферы.
По сигналу «Пошел!» я шагнул в никуда —
за невидимой тенью безликой химеры,
за свободным паденьем — айда!

Я пробьюсь сквозь воздушную ватную тьму,
хоть условия падения не те.
Но и падать свободно нельзя, потому
что мы падаем не в пустоте.

И обрывают крик мой,
и выбривают щеки,
у горла старой бритвой
уже снуют потоки.
Но жгут костры, как свечи, мне,
я приземлюсь и в шоке,
прямые, безупречные
воздушные потоки.

Ветер в уши сочится и шепчет скабречно:
«Не тяни за кольцо, скоро легкость придет!»
До земли триста метров — сейчас будет поздно...
Ветер врет, обязательно врет!

Стропы рвут меня вверх, выстрел купола — стоп!
И — как не было этих минут.
Нет свободных падений с высот, но зато
есть свобода раскрыть парашют.

Мне охлаждают щеки
и открывают веки —
исполнены потоки
забот о человеке!
Глазею ввысь печально я —
там звезды одиноки —
и пью горизонтальные
воздушные потоки.

ХОЛОДА

В холода, в холода
от насиженных мест
нас другие зовут города,
будь то Минск, будь то Брест...
В холода, в холода...

Неспроста, неспроста
от родных тополей
нас суровые манят места —
будто там веселей...
Неспроста, неспроста.

Как нас дома ни грей,
не хватает всегда
новых встреч нам и новых друзей —
будто с нами беда,
будто с ними теплей.

Как бы ни было нам
хорошо иногда —
возвращаемся мы по домам.
Где же наша звезда?
Может, здесь, может, там...

* * *

Кто старше нас на четверть века, тот
уже увидел близости и дали:
им повезло — и кровь, и дым, и пот
они понюхали, хлебнули, повидали.

И ехали в теплушках — не в тепле,
на стройки, на фронты и на рабфаки.
Они ходили в люди по земле
и в штыковые жесткие атаки.

Но время эшелонное прошло —
в плацкартных едем, травим анекдоты...
Мы не ходили — шашки наголо,
в отчаянье не падали на доты.

И все-таки традиция живет:
взяты не все вершины и преграды —
не потому ли летом каждый год
идем в студенческие наши стройотряды.

Песок в глазах, в одежде и в зубах —
мы против ветра держим путь на тракте,
на дивногорских Каменных Столбах
хребты себе ломаем и характер.

Мы гнемся в три погибели — ну, что ж,
такой уж ветер... Только, друг, ты знаешь —
зато ничем нас после не согнешь,
зато нас на равнине не сломаешь!

КАНАТОХОДЕЦ

Он не вышел ни званием, ни ростом.
Не за славу, не за плату —
на свой, необычный манер —
он по жизни шагал над помостом —
по канату, по канату,
натянutoму, как нерв!..

Посмотрите! Вот он без страховки идет!
Чуть правее наклон — упадет, пропадет!
Чуть левее наклон — все равно не спасти!..
Но, должно быть, ему очень нужно пройти
четыре четверти пути!

И лучи его с шага сбивали,
и кололи, словно лавры.
Труба надрывалась — как две!
Крики «браво!» его оглушали,
и кололи, словно лавры.
как обухом по голове!

Посмотрите! Вот он без страховки идет!
Чуть правее наклон — упадет, пропадет!
Чуть левее наклон — все равно не спасти!..
Но теперь ему меньше осталось пройти —
уже три четверти пути!

Ах, как жутко, как смело, как мило!
Бой со смертью — три минуты!

Раскрыв в ожидании рта,
из партера глядели уныло —
лилипуты, липипуты —
казалось ему с высоты.

Посмотрите! Вот он без страховки идет!
Чуть правее наклон — упадет, пропадет!
Чуть левее наклон — все равно не спасти!..
Но спокойно. Ему остается пройти
всего две четверти пути...

Он смеялся над славою брэнной,
но хотел быть только первым, —
такого попробуй угроби!
Не по проволоке над ареной —
он по нервам — нам по нервам —
шел под барабанную дробь!

Посмотрите! Вот он без страховки идет!
Чуть правее наклон — упадет, пропадет!
Чуть левее наклон — все равно не спасти!..
Но — замрите! Ему остается пройти
не больше четверти пути...

Закричал дрессировщик —
и звери
клали лапы на носилки..
Но прост приговор и суров:
был растерян он или уверен —
но в опилки, но в опилки
он пролил досаду и кровь!

И сегодня другой без страховки идет.
Тонкий шнур под ногой — упадет, пропадет!..
Вправо, влево наклон — и его не спасти!
Но зачем-то ему тоже нужно пройти
четыре четверти пути...

АЛПАДА
О ЛЮБВИ

БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ

Все года, и века, и эпохи подряд
все стремится к теплу от морозов и вьюг.
Почему ж эти птицы на север летят,
если птицам положено только на юг?

Слава им не нужна и величие.
Вот под крыльями кончится лед —
и найдут они счастье птичье,
как награду за дерзкий полет.

Что же нам не жилось, что же нам не спалось?
Что нас выгнало в путь по высокой волне?
Нам сиянья пока наблюдать не пришлось,
это редко бывает — сиянья в цене!

Тишина. Только чайки — как молнии...
Пустотой мы их кормим из рук.
Но наградю нам за безмолвие
обязательно будет звук!

Как давно снятся нам только белые сны,
все иные оттенки снега замели.
Мы ослепли давно от такой белизны,
но прозреем от черной полоски земли.

Наше горло отпустит молчание,
наша слабость растает, как тень.
И наградой за ночи отчаянья —
будет вечный полярный день.

Север. Воля. Надежда. Страна без границ.
Снег без грязи — как долгая жизнь без вранья.
Воронье нам не выключает глаз из глазниц,
потому что не водится здесь воронья.

Кто не верил в дурные пророчества,
в снег не лег ни на миг отдохнуть,
тем наградою за одиночество
должен встретиться кто-нибудь.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Долго же шел ты, в конверте листок —
вышли последние сроки!..
Но потому он и Дальний Восток,
что далеко на востоке.

Ждешь с нетерпеньем ответ ты —
весточку в несколько слов...
Мы здесь встречаем рассветы
раньше на восемь часов.

Здесь до утра пароходы режут
среди океанской шумихи.
Не потому его Тихим зовут,
что он действительно тихий.

Ты не пугайся рассказов о том,
будто здесь самый край света:
сзади еще Сахалин, а потом —
круглая наша планета.

Что говорить — здесь, конечно, не рай,—
но немоготу переписка!
Знаешь что, милая, ты приезжай:
Дальний Восток — это близко.

Скоро получишь ответ ты —
весточку в несколько слов...
Вместе бы встретить рассветы
раньше на восемь часов.

ЛИРИЧЕСКАЯ

Здесь лапы у елей дрожат на весу,
здесь птицы щебечут тревожно —
живешь в заколдованном диком лесу,
откуда уйти невозможно.

Пусть черемухи сохнут бельем на ветру,
пусть дождем опадают сирени.
Все равно я отсюда тебя заберу
во дворец, где играют свирели.

Твой мир колдунами на тысячи лет
укрыт от меня и от света,—
и думаешь ты, что прекраснее нет,
чем лес заколдованный этот.

Пусть на листьях не будет росы поутру,
пусть луна с небом пасмурным в споре...
Все равно я отсюда тебя заберу
в светлый терем с балконом на море.

В какой день недели, в котором часу
ты выйдешь ко мне осторожно,
когда я тебя на руках унесу
туда, где найти невозможно?

Украду, если кража тебе по душе,—
зря ли я столько сил разбазарил?!
Соглашайся хотя бы на рай в шалаше,
если терем с дворцом кто-то занял.

* * *

День-деньской я с тобой, за тобой —
будто только одна забота,
будто выследил главное что-то —
то, что снимет тоску как рукой.

Это глупо — ведь кто я такой?!
Ждать меня — никакого резона,
тебе нужен другой и — покой,
а со мной — беспокойно, бессонно.

Сколько лет ходу нет — в чем секрет?!
Может, я невезучий — не знаю!
Как бродяга, гуляю по маю,
И прохода мне нет от примет.

Может быть, наложили запрет?
Я на каждом шагу спотыкаюсь:
видно, сколько шагов — столько бед.
Вот узнаю, в чем дело,— покаюсь.

* * *

Запомню, оставлю в душе этот вечер —
не встречу с друзьями, не праздничный стол:
сегодня я сам — самый главный диспетчер,
и стрелки сегодня я сам перевел.

И пусть отправляю составы в пустыни,
где только барханы в горячих лучах,—
мой поезд не вернется пустыми,
пока мой оазис совсем не зачах.

Свое я отъездил, и даже сверх нормы.
Стою, вспоминаю, сжимая флажок,
как мимо меня проносились платформы
и реки — с мостами, которые сжег.

Теперь отправляю составы в пустыни,
где только барханы в горячих лучах,—
мой поезд не вернется пустыми,
пока мой оазис совсем не зачах.

Они без меня понесутся по миру —
я рук не ломаю, навзрыд не кричу.
И мне не навяжут чужих пассажиров —
сажаю в свой поезд, кого захочу.

Итак, я отправил составы в пустыни,
где только барханы в горячих лучах,—
мой поезд не вернется пустыми,
пока мой оазис совсем не зачах.

Растаяли льды, километры и годы —
мой первый состав возвратился назад.
Он мне не привез драгоценной породы,
но он возвратился, и рельсы гудят.

Давай постоим и немного остынем —
я вижу, в пути ты не встретил реки.
Я сам не поехал с тобой по пустыням —
и вот мой оазис убили пески.

РОМАНС

Она была чиста, как снег зимой.
В грязь соболя! Иди по ним — по праву...
Но вот мне руки жжет ее письмо,
я узнаю мучительную правду.

Не ведал я: страданье — только маска,
и маскарад закончится сейчас.
На этот раз я потерпел фиаско,—
надеюсь, это был последний раз.

Подумал я: дни сочтены мои,
дурная кровь в мои проникла вены.
Я сжал письмо, как голову змеи,—
сквозь пальцы просочился яд измены.

Не ведать мне страданий и агоний,
мне встречный ветер слезы оботрет,
моих коней обида не нагонит,
моих следов метель не заметет.

Итак, я оставляю позади,
под этим серым неприглядным небом,
дурман фиалок, наготу гвоздик
и слезы вперемешку с талым снегом.

Москва слезам не верит и слезинкам —
и не намерен больше я рыдать.
Спешу навстречу новым поединкам
и, как всегда, намерен побеждать!

ОНА БЫЛА В ПАРИЖЕ

Наверно, я погиб: глаза закрою — вижу.
Наверно, я погиб: робею, а потом —
куда мне до нее, она была в Париже,
и я вчера узнал — не только в нем одном.

Какие песни пел я ей про Север дальний!
Я думал: вот чуть-чуть — и будем мы на «ты»,
но я напрасно пел о полосе нейтральной —
ей глубоко плевать, какие там цветы.

Я спел тогда еще — я думал, это ближе —
«Про счетчик», «Про того, кто раньше с нею был»...
Но что ей до меня: она была в Париже —
ей сам Марсель Марсо чего-то говорил.

Я бросил свой завод — хоть, в общем, был не вправе,—
засел за словари на совесть и на страх...
Но что ей до того: она уже в Варшаве —
мы снова говорим на разных языках...

Приедет — я скажу по-польски: «Проше, пани,
прими таким, как есть, не буду больше петь...»
Но что ей до меня: она уже в Иране,—
я понял: мне за ней, конечно, не успеть!

Ведь она сегодня здесь, а завтра будет в Осло.
Да я попал впросак, да, я попал в беду!..
Кто раньше с нею был и тот, кто будет после,—
пусть пробуют они, я лучше пережду.

* * *

Мне каждый вечер зажигают свечи,
и образ твой окуривает дым.
И не хочу я знать, что время лечит,
что все проходит вместе с ним.

Теперь я не избавлюсь от покоя:
ведь все, что было на душе — на год вперед,
не ведая, она взяла с собою —
сначала в порт, а после — в самолет...

В душе моей — пустынная пустыня.
Так что стойте над пустой моей душой?!
Обрывки песен там и паутина.
А остальное все она взяла с собой.

В моей душе всё цели без дороги,
поройтесь в ней — и вы найдете лишь
две полуфразы, полудиалоги,
а остальное — Франция, Париж...

И пусть мне вечер зажигает свечи,
и образ твой окуривает дым...
Но не хочу я знать, что время лечит,
что все проходит вместе с ним.

* * *

Люблю тебя сейчас
не тайно — напоказ.
Не «после», и не «до» в лучах твоих сгораю.
Навзрыд или смеясь,

но я люблю сейчас,
а в прошлом — не хочу, а в будущем — не знаю.

В прошедшем «Я любил» —
печальнее могил,
все нежное во мне бескрылит и стреножит.
Хотя поэт поэтов говорил:
«Я вас любил: любовь еще, быть может...»

Так говорят о брошенном, отцветшем —
и в этом жалость есть и снисходительность,
как к свергнутому с трона королю.
Есть в этом сожаленье об ушедшем,
стремленье, где утеряна стремительность,
и как бы недоверье к «Я люблю».

Люблю тебя теперь —
без пятен, без потерь.
Мой век стоит сейчас — я вен не перережу!
Во время, в продолжение теперь —
я прошлым не дышу и будущим не брежу.

Приду и вброд и вплавь
к тебе — хоть обезглавь! —
с цепями на ногах и с гирями по пуду.
Ты только по ошибке не заставь,
чтоб после «Я люблю» добавил я «и буду».

Есть горечь в этом «буду», как ни странно,
подделанная подпись, червоточина
и лаз для отступленья про запас,
бесцветный яд на самом дне стакана
и, словно настоящему пощечина, —
сомненье в том, что «Я люблю» — сейчас.

Смотрю французский сон
с обилием времен,

где в будущем — не так, и в прошлом — по-другому.
К позорному столбу я пригвожден,
к барьеру вызван я — языковому.

Ах — разность в языках!
Не положение — крах!
Но выход мы вдвоем поищем — и обрящем!
Люблю тебя и в прошлых временах —
и в будущем, и в прошлом настоящем!

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

Когда вода Всемирного потопа
вернулась вновь в границы берегов,
из пены уходящего потока
на сушу тихо выбралась Любовь.
И растворилась в воздухе до срока,
а срока было — сорок сороков...

И чудачки — еще такие есть —
вдыхают полной грудью эту смесь,
и ни наград не ждут, ни наказания,
и, думая, что дышат просто так,—
они внезапно попадают в такт
такого же неровного дыханья.

Только чувству, словно кораблю,
долго оставаться на плаву,
прежде чем узнать, что «я люблю» —
то же, что «дышу» или «живу»!

И вдоволь будет странствий и скитаний:
Страна Любви — великая страна!

И с рыцарей своих — для испытаний —
все строже станет спрашивать она:
потребует разлук и расстояний,
лишит покоя, отдыха и сна...

Но вспять безумцев не поворотить,
они уже согласны заплатить
любой ценой — и жизнью бы рискнули,—
чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
волшебную невидимую нить,
которую меж ними протянули.

Свежий ветер избранных пьянил,
с ног сбивал, из мертвых воскрешал,
потому что, если не любил —
значит, и не жил, и не дышал!

Но многих, захлебнувшихся любовью,
не докричишься — сколько ни зови...
Им счет ведут молва и пустословье,
но этот счет замешен на крови...
А мы поставим свечи в изголовье
погибших от невиданной любви...

Их голосам — всегда сливаться в такт,
и душам их дано бродить в цветах,
и вечностью дышать в одно дыханье,
и встретиться — со вздохом на устах —
на хрупких переправах и мостах,
на узких перекрестках мирозданья.

Я поля влюбленным постелю —
пусть поют во сне и наяву!..
Я дышу, и значит — я люблю!
Я люблю, и значит — я живу!

БЕГ ИНОХОДЦА

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В АФРИКЕ

В желтой жаркой Африке,
в центральной ее части,
как-то вдруг вне графика
случилось несчастье.

Слон сказал, не разобрав:

«Видно, быть потопу!..»

В общем, так: один Жираф
влюбился — в Антилопу.

Поднялся галдеж и лай,
и только старый Попугай
громко крикнул из ветвей:
«Жираф большой — ему видней!»

«Что же, что рога у ней,—
кричал Жираф любовно,—
нынче в нашей фауне
равны все пороговно.
Если вся моя родня
будет ей не рада,
не пеняйте на меня,
я уйду из стада!»

Папе Антилопьюму —
зачем такого сына!
Все равно — что в лоб ему,
что по лбу — все едино!
И Жирафов зять брюзжит.
«Видали остолопа!»

И ушли к бизонам жить
с Жирафом Антилопа.

В желтой жаркой Африке
не видать идиллий:
льют Жираф с Жирафихой
слезы крокодилы...
Только горю не помочь —
нет теперь закона:
у Жирафов вышла дочь
замуж за Бизона.

...Пусть Жираф был неправ,
но виновен не Жираф,
а тот, кто крикнул из ветвей:
«Жираф большой — ему видней!»

ПЕСНЯ ПРО МАНГУСТОВ

«Змея, змея кругом — будь им пусто!» —
человек в испуге кричал,
и позвал на подмогу мангуста,
чтобы, значит, мангуст выручал.

И мангусты взялись за работу,
не щадя ни себя, ни родных, —
выходили они на охоту
без отгулов и без выходных.

И в пустынях, в степях и в пампасах
даже дали наказ патрулям —
игнорировать змей безопасных,
но сводить ядовитых к нулям.

Приготовьтесь, сейчас будет грустно:
человек появился тайком —
и поставил силки на мангуста,
объявив его вредным зверьком.

Он наутро пришел, с ним собака,—
и мангуста упрятал в мешок,—
а мангуст отбивался и плакал,
и кричал: «Я полезный зверек!»

Но зверьков в переломах и ранах
всё швыряли в мешок, как грибы,—
одуревших от боли в капканах,
ну, и от поворота судьбы.

И гадали они: в чем же дело,
почему нас несут на убой?
И сказал им мангуст престарелый
с перебитой передней ногой:

«Козы в Бельгии съели капусту,
воробьи — рис в Китае с полей,
а в Австралии злые мангусты
истребили полезнейших змей!»

Это вовсе не дивное диво:
раньше были полезны, и вдруг —
оказалось, что слишком ретиво
истребляли мангусты гадюк!

Вот за это им вышла награда
от расчетливых этих людей.
Видно, люди не могут без яда,
ну а значит, не могут без змей.

«Змеи, змеи кругом — будь им пусто!» —
человек в исступленье кричал.
И позвал на подмогу мангуста,
чтобы, значит, мангуст выручал...

ПЕСНЯ О КОРОТКОМ СЧАСТЬЕ

Трубят рога: «Скорей, скорей!» —
и копошится свита.
Душа у ловчих без затей
из жил воловьих свита.

Ну и забава у людей —
убить двух белых лебедей!
И стрелы ввысь помчались...
У лучников наметан глаз, —
а эти лебеди как раз
сегодня повстречались.

Она жила под солнцем — там,
где синих звезд без счета,
куда под силу лебедям
высокого полета.

Вспари — и два крыла раскинь
в густую трепетную синь,
скользи по божьим склонам —
в такую высь, куда и впредь
возможно будет долететь
лишь ангелам и стонам.

Но он и там ее настиг —
и счастлив миг единый, —

но только был тот яркий миг
их песней лебединой.

Крылатым ангелам сродни,
к земле направились они —
опасная повадка!
Из-за кустов, как из-за стен,
следят охотники за тем,
чтоб счастье было кратко.

Вот оттирают пот со лба
виновники паденья:
сбылась последняя мольба —
остановись, мгновенье!

Так пелся этот вечный стих,
в пик лебединой песне их —
счастливец одночасья.
Они упали вниз вдвоем,
так и оставшись на седьмом,
на высшем небе счастья.

ПОГОНЯ

Во хмелю слегка
лесом правил я..
Не устал пока —
пел за здравие!
А умел я петь
песни вздорные:
«Как любил я вас,
очи черные!..»

То плелась, то неслась,
то трусили рысцей,
и болотную слизь
конь швырял мне в лицо.
Только я проглочу
вместе с грязью слюну,
штофу горло скручу —
и опять затяну:

«Очи черные,
как любил я вас...»
Но прикончил я
то, что впрок припас.
Головой тряхнул,
чтоб слетела блажь,
и вокруг взглянул —
и присвистнул аж:

лес стеной впереди —
не пускает стена,
кони прядут ушами,
назад подают...
Где просвет, где прогал —
не видать ни рожна!
Колют иглы меня,
до костей достают!

Коренной ты мой,
выручай же, брат!
Ты куда, родной, —
почему назад?
Дождь — как яд с ветвей —
недобром пропах.
Присяжной моей
волк нырнул под пах.

Вот же пьяный дурак,
вот же налил глаза —
ведь погибель пришла,
а бежать не суметь.
Из колоды моей
утащили туза,
да такого туза —
без которого смерть

Я ору волкам:
«Побери вас прах! »
А коней пока
подгоняет страх.
Шевелю кнутом,
бью крученые
и пою притом:
«Очи черные...»

Храп, да топот, да лязг,
да лихой перепляс —
бубенцы плясовую
играют с дуги!
Ах вы, кони мои,
погублю же я вас,
выносите, друзья,
выносите, враги!..

От погони той
даже хмель иссяк,
мы на кряж крутой —
на одних осях,—
в хлопьях пены мы,
струи в кряж лились,—
отдышались, отхрипелись
да откашлялись.

Я лошадкам забитым,
что не подвели,
поклонился в копыта
до самой земли,
сбросил с воза манатки,
повел в поводу...
Спаси бог вас, лошадки,
что целым иду.

...Сколько кануло,
сколько схлынуло!
Жизнь кидала меня —
недокинула.
Может, спел про вас
неумело я,
очи черные,
скатерть белая?!

* * *

Мы верные, испытанные кони.
Победоносцы ездили на нас,
и не один великий богомаз
нам золотил копыта на иконе.

Пес-рыцарь или рыцарь благородный —
хребты нам гнули тяжестью лат.
Один из наших, самый сумасбродный,
однажды ввез Қажигулу в Сенат.

БЕГ ИНОХОДЦА

Я скачу, но я скачу иначе —
по камням, по лужам, по росе...
Говорят: он иноходью скачет,
это значит — иначе чем все.

Но наездник мой всегда на мне,
стременами лупит мне под дых.
Я согласен бегать в табуне —
но не под седлом и без узды!

Если не свободен нож от ножен —
он опасен меньше, чем игла.
Вот и я подседлан и стреножен,
рот мой разрывают удила.

Мне набили раны на спине,
я дрожу боками у воды.
Я согласен бегать в табуне —
но не под седлом и без узды.

Мне сегодня предстоит бороться —
скачки! Я сегодня фаворит.
Знаю, ставят все на иноходца,
но не я — жокей на мне хрипит!

Он вонзает шпоры в ребра мне,
зубоскалят первые ряды...
Ох, как я бы бегал в табуне —
но не под седлом и без узды.

Пляшут, пляшут скакуны на старте,
друг на друга злобу затая,
в исступленье, в бешенстве, в азарте —
и роняют пену, как и я.

Мой наездник у трибун в цене,
крупный мастер верховой езды.
Ох, как я бы бегал в табуне —
но не под седлом и без узды!

Нет, не будут золотыми горы —
я последним цель пересеку:
я ему припомню эти шпоры,
засбою, отстану на скаку!..

Колокол! Жокей мой на коне,
он смеется в предвкушение мзды...
Ох, как я бы бегал в табуне —
но не под седлом и без узды!

Что со мной, что делаю, как смею!..
Потакаю своему врагу!
Я собою просто не владею —
я прийти не первым не могу!

Что же делать остается мне?
Вышвырнуть жокея моего —
и бежать, как будто в табуне,—
под седлом, в узде, но — без него...

Я пришел, а он в хвосте плетется —
по камням, по лужам, по росе...
Я впервые не был иноходцем —
я стремился выиграть как все!

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

В заповеднике (вот в каком — забыл)
жил да был Козел — роги длинные.
Хоть с волками жил — не по волчьи выл,
блеял песенки всё козлиные.

И пощипывал он травку, и нагуливал бока,
не услышишь от него худого слова.
Толку было с него, правда, как с козла — молока,
но вреда, однако, тоже никакого.

Жил на выпасе — возле озерка,
не вторгаясь в чужие владения,
но заметили скромного козлика
и избрали в козлы отпущения!

Например, Медведь — баламут и плут —
обхамит кого-нибудь по-медвежьему —
враз Козла найдут, приведут и бьют:
по рогам ему и промеж ему...

Не противился он, серенький, насилию со злом,
а сносил побои весело и гордо.
Сам Медведь сказал: «Ребята, я горжусь Козлом —
героическая личность, козья морда!»

Берегли Козла, как наследника.
Вышло даже в лесу запрещение
с территории заповедника
отпускать Козла отпущения.

А Козел себе все скакал козлом,
но пошалить он стал втихомолочку.
как-то бороду завязал узлом —
из кустов назвал Волка сволочью.

А когда очередное отпущенье получал
(все за то, что волки лишку откусили),
он, как будто бы случайно, по-медвежьи зарычал,
но внимания тогда не обратили.

Пока хищники меж собой дрались,
в заповеднике крепло мнение,
что дороже всех медведей и лис —
дорогой Козел отпущения!

Услыхал Козел — да и стал таков:
«Эй, вы, бурые,— кричит,— светло-пегие!
Отниму у вас рацион волков
и медвежие привилегии.

Покажу вам «козью морду» настоящую в лесу,
распишу туда-сюда по трафарету,
всех на роги намотаю и по кочкам разнесу
и ославлю по всему по белу свету!

Не один из вас будет землю жрать,
все подохнете без прощенья.
Отпускать грехи кому — это мне решать,
это я — Козел отпущения!»

В заповеднике (вот в каком — забыл)
правит бал Козел не по-прежнему:
он с волками жил — и по волчьи взвыл,
и рычит теперь по-медвежьему.

А козлятушки-ребятки засучили рукава
и пошли шерстить волчишек в пух и клочья.
А чего теперь стесняться, если их глава
от лесного Льва имеет полномочья

Ощутил он вдруг остроту рогов
и козлиное вдохновение:
росомах и лис, медведей, волков —
превратил в козлов отпущения.

ОХОТА С ВЕРТОЛЕТОВ

Словно бритва, рассвет полоснул по глазам,
отворились курки, как волшебный сезам,
появились стрелки, на помине легки, —
и взлетели стрекозы с протухшей реки,
и потеха пошла в две руки, в две руки.

Мы легли на живот и убрали клыки.
Даже тот, даже тот, кто нырял под флажки,
чуял волчьи ямы подушками лап,
тот, кого даже пуля догнать не могла б, —
тоже в страхе взопрел — и прилег, и ослаб.

Чтобы жизнь улыбалась волкам — не слышал:
зря мы любим ее, однолюбы.
Вот у смерти — красивый широкий оскал
и здоровые, крепкие зубы.

Улыбнемся же волчьей улыбкой врагу,
псам еще не намылены холки.
Но — на татуированном кровью снегу
наша роспись: мы больше не волки!

Мы ползли, по-собачьи хвосты подобрал,
к небесам удивленные морды задрал:

либо с неба возмездье на нас пролилось,
либо света конец — и в мозгах перекося...
Только били нас в рост из железных стрекоз.

Кровью вымокли мы под свинцовым дождем —
и смирились, решив: все равно не уйдем!
Животами горячими плавил снег.
Эту бойню затеял — не бог — Человек!
Улетающих — влет, убегающих — в бег...

Свора псов, ты со стаей моей не вяжись —
в равной сваре за нами удача.
Волки мы! Хороша наша волчья жизнь.
Вы — собаки, и смерть вам — собачья.

Улыбнемся же волчьей ухмылкой врагу,
чтобы в корне пресечь кривотолки.
Но — на татуированном кровью снегу
наша роспись: мы больше не волки!

К лесу! Там хоть немногих из вас сберегу!
К лесу, волки! Труднее убить на бегу!
Уносите же ноги, спасайте щенков!
Я мечусь на глазах полупьяных стрелков
и скликаю заблудшие души волков.

Те, кто жив,— затаились на том берегу.
Что могу я один? Ничего не могу:
отказали глаза, притупилось чутье...
Где вы, волки, бывшее лесное зверье,
где же ты, желтоглазое племя мое?!

Я живу Но теперь окружают меня
звери, волчьих не знавшие кличей
Это — псы, отдаленная наша родня,
мы их раньше считали добычей

Улыбаюсь я волчьей ухмылкой врагу,
обнажаю гнилые осколки
Но — на татуированном кровью снегу
тает роспись мы больше не волки!

МЛОЙ ГАМЛЕТ

Водой наполненные горсти
ко рту спешили поднести —
впрок пили воду черногорцы
и жили впрок — до тридцати.

А умирать почетно было —
среди пуль и матовых клинков
и уносить с собой в могилу
двух-трех врагов, двух-трех врагов.

Пока курок в ружье не стерся,
стрелял и с седел и с колен,
и в плен не брали черногорца —
он просто не сдавался в плен.

А им прожить хотелось до ста,
до жизни жадным, — век с лихвой,
в краю, где гор и неба вдосталь,
и моря тоже — с головой.

Шесть сотен тысяч равных порций
воды живой в одной горсти...
Но проживали черногорцы
свой долгий век — до тридцати.

И жены их водой помянут;
и прячут их детей в горах
до той поры, пока не станут
держат оружие в руках.

Беззвучно надевали траур,
и заливали очаги,
и молча лили слезы в траву,
чтоб не услышали враги.

Чернели женщины от горя,
как плодородная земля,—
за ними вслед чернели горы,
себя огнем испепеля.

То было истинное мщение
(бессмысленно себя не жгут!):
людей и гор самосожженье —
как несогласие и бунт.

И пять веков — как божьи кары,
как мести сына за отца,
пылали горные пожары
и черногорские сердца.

Цари менялись, царедворцы,
но смерть в бою всегда в чести,—
не уважали черногорцы
проживших больше тридцати.

.. Мне одного рожденья мало —
расти бы мне из двух корней...
Жаль, Черногория не стала
второю родиной моей!

МОЯ ГАМЛЕТ

Я только малость объясню в стихе,
на все я не имею полномочий...
Я был зачат, как нужно, во грехе — в поту
и в нервах первой брачной ночи.

Я знал, что, отрываясь от земли,—
чем выше мы, тем жестче и суровой;
я шел спокойно, прямо — в короли
и вел себя наследным принцем крови

Я знал — все будет так, как я хочу,
я не бывал внакладе и в уроне,
мои друзья по школе и мечу
служили мне, как их отцы — короне.

Не думал я над тем, что говорю,
и с легкостью слова бросал на ветер.
Мне верили и так, как главарю,
все высокопоставленные дети.

Пугались нас ночные сторожа,
как оспую, болело время нами.
Я спал на кожах, мясо ел с ножа
и злую лошадь мучил стременами

Я знал, мне будет сказано: «Царуй!»—
клеймо на лбу мне рок с рожденья выжег.
И я пьянел среди чеканных сбруй,
был терпелив к насилью слов и книжек

Я улыбаться мог одним лишь ртом,
а тайный взгляд, когда он зол и горек,
умел скрывать, воспитанный шутком.
Шут мертв теперь: «Амины!» Бедняга Йорик...

Но отказался я от дележа
наград, добычи, славы, привилегий:
вдруг стало жаль мне мертвого пажу,
я объезжал зеленые побеги

Я позабыл охотничий азарт,
возненавидел и борзых и гончих
Я от подранка гнал коня назад
и плетью бил загонщиков и ловчих

Я видел — наши игры с каждым днем
все больше походили на бесчинства
В проточных водах, по ночам, тайком
я отмывался от дневного свинства

Я прозревал, глупея с каждым днем,
я прозевал домашние интриги
Не нравился мне век, и люди в нем
не нравились. И я зарылся в книги.

Мой мозг, до знаний жадный как паук,
все постигал: недвижность и движенье,—
но толка нет от мыслей и наук,
когда повсюду — им опроверженье.

С друзьями детства перетерлась нить.
Нить Ариадны оказалась схемой.
Я бился над словами — «быть, не быть»,
как над неразрешимую дилеммой.

Но вечно, вечно плещет море бед.
В него мы стрелы мечем — в сито просо,
отсеивая призрачный ответ
от вычурного этого вопроса.

Зов предков слыша сквозь затихший гул,
пошел на зов,— сомненья крались с тылу,
груз тяжких дум навверх меня тянул,
а крылья плоти вниз влекли, в могилу.

В непрочный сплав меня спаяли дни —
едва застыв, он начал расползаться.
Я пролил кровь, как все. И, как они,
я не сумел от мести отказаться.

А мой подъем пред смертью — есть провал.
Офелия! Я тленья не приемлю.
Но я себя убийством уравниал
с тем, с кем я лег в одну и ту же землю.

Я Гамлет, я насилье презирал.
Я наплевал на Датскую корону,—
но в их глазах — за трон я глотку рвал
и убивал соперника по трону.

Но гениальный всплеск похож на бред.
В рожденье смерть проглядывает косо.
А мы все ставим каверзный ответ
и не находим нужного вопроса.

Кто-то высмотрел плод, что неспел.
Потрусил за ствол — он упал.
Вот вам песня о том, кто не спел
и что голос имел — не узнал.

Может, были с судьбой нелады
и со случаем плохи дела,

а тугая струна на лады
с незаметным изъязном легла.

Он начал робко с ноты «до»,
но не допел ее, не до...
Не дозвучал его аккорд
и никого не вдохновил.
Собака лаяла, а кот —
мышей ловил.

Смешно, не правда ли, смешно?..
А он шутил — недошутил,
недораспробовал вино,
и даже недопригубил.

Он пока лишь затенвал спор,
неуверенно и не спеша,
словно капельки пота из пор,
из-под кожи сочилась душа.

Только начал дуэль на ковре,
еле-еле, едва приступил,
лишь чуть-чуть осмотрелся в игре,
и судья еще счет не открыл...

Он знать хотел все от и до,
но не добрался он, не до...
Ни до догадки, ни до дна,
не докопался до глубин
и ту, которая одна, —
недолюбил.

Смешно, не правда ли, смешно?
А он спешил — недоспешил.
Осталось недорешено
все то, что он недорешил.

Ни единою буквой не лгу.
Он был чистого слога слуга
и писал ей стихи на снегу.
К сожалению, тают снега!

Но тогда еще был снегопад
и свобода писать на снегу —
и большие снежинки и град
он губами хватал на бегу.

Но к ней в серебряном ландо
он не добрался и не до. .
Не добежал бегун, беглец,
не долетел, не доскакал,
а звездный знак его — Телец —
холодный Млечный Путь лакал...

Смешно, не правда ли, смешно:
когда секунд недостает,
недостающее звено,
и недолет, и недолет.

Смешно, не правда ли? Ну вот:
и вам смешно, и даже мне
Конь на скаку и птица влет —
по чьей вине, по чьей вине?..

МАСКИ

Смеюсь навзрыд — как у кривых зеркал
Меня, должно быть, ловко разыграли:
крючки носов и до ушей оскал —
как на венецианском карнавале!

Что делать мне — бежать, да поскорей?
А может, вместе с ними веселиться?
Надеюсь я — под масками зверей
у многих человеческие лица.

Все в масках, в париках — все, как один:
кто сказочен, а кто — литературен..
Сосед мой слева — грустный Арлекин,
другой — палач, а каждый третий — дурень

Один себя старался обелить,
другой лицо скрывает от огласки,
а кто — уже не в силах отличить
свое лицо от непрменной маски.

Я в хоровод вступаю хохоча,
но все-таки мне беспокойно с ними:
а вдруг кому-то маска палача
понравится — и он ее не снимет?!

Вдруг Арлекин навеки загрустит,
любуюсь сам своим лицом печальным?!
Что, если дурень свой дурацкий вид
так и забудет на лице нормальном?!

Вокруг меня смыкается кольцо —
меня хватают, вовлекают в пляску:
так-так, мое нормальное лицо
все остальные приняли за маску

Петарды, конфетти... Но все не так.
И маски на меня глядят с укором.
Они кричат, что я опять не в такт
и наступаю на ноги партнерам.

Смеются злые маски надо мной,
веселые — те начинают злиться,
за маской пряча, словно за стеной,
свои людские, подлинные лица.

За музами гоняюсь по пятам,
но ни одну не попрошу открыться:
что, если маски сброшены, а там —
все те же полумаски-полулица?!

Я в тайну масок все-таки проник.
Уверен я, что мой анализ точен:
и маски равнодушия у них —
защита от плевков и от пощечин.

Но если был без маски подлецом —
носи ее! А вы... У вас все ясно:
зачем скрываться под чужим лицом,
когда свое воистину прекрасно?!

Как доброго лица не прозевать,
как честных угадать наверняка мне?!
...Они решили маски надевать,
чтоб не разбить свое лицо о камни.

БАЛЛАДА О БОРЬБЕ

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
средь военных трофеев и мирных костров
жили книжные дети, не знавшие битв,
изнывая от мелких своих катастроф.

Детям вечно досаден
их возраст и быт,—
и дрались мы до ссадин,
до смертных обид.
Но одежды латали
нам матери в срок,
мы же книги глотали,
пьянея от строк.

Липли волосы нам на вспотевшие лбы,
и сосало под ложечкой сладко от фраз,
и кружил наши головы запах борьбы,
со страниц пожелтевших стекая на нас.

И пытались постичь
мы, не знавшие войн,
за воинственный клич
принимавшие вой,
тайну слова «приказ»,
назначенье границ,
смысл атаки и лязг
боевых колесниц.

А в кипящих котлах прежних боен и смут
столько пищи для маленьких наших мозгов!
Мы на роли предателей, трусов, нуд
в детских играх своих — назначали врагов.

И злодея следам
не давали остыть,
и прекраснейших дам
обещали любить
И, друзей успокоив
и ближних любя,
мы на роли героев
вводили себя

Только в грезы нельзя насовсем убежать:
краткий миг у забав — столько боли вокруг!
Попробуй ладони у мертвых разжать
и оружие принять из натруженных рук

Испытай, завладев
еще теплым мечом
и доспехи надев,
что почем, что почем!
Разберись, кто ты — трус
иль избранник судьбы,
и попробуй на вкус
настоящей борьбы

И когда рядом рухнет израненный друг,
и над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
и когда ты без кожи останешься вдруг
оттого, что убили его — не тебя, —

ты поймешь, что узнал,
отличил, отыскал
по оскалу забрал —
это смерти оскал!
Ложь и зло — погляди,
как их лица грубы,
и всегда позади —
воронье и гробы!

Если, путь прорубая отцовским мечом,
ты соленые слезы на ус намотал,
если в жарком бою испытал, что почем,—
значит, нужные книги ты в детстве читал!

Если мяса с ножа
ты не ел ни куска,
если руки сложа
наблюдал свысока
и в борьбу не вступил
с подлецом, с палачом,—
значит, в жизни ты был
ни при чем, ни при чем!

БАЛЛАДА О ВОЛЬНЫХ СТРЕЛКАХ

Если рыщут за твоею
непокорной головой,
чтоб петлей худую шею
сделать более худой,
нет надежнее приюта —
скройся в лес, не пропадешь,—
если продан ты кому-то
с потрохами ни за грош

Бедняки и бедолаги,
презирая жизнь слуги,
и бездомные бродяги,
у кого одни долги,—
все, кто загнан, неприкаян,
в этот вольный лес бегут,
потому что здесь хозяин —
славный парень Робин Гуд!

Здесь с полслова понимают,
не боятся острых слов,
здесь с почетом принимают
оторви-сорви-голов.
И скрываются до срока
даже рыцари в лесах:
кто без страха и упрёка —
тот всегда не при деньгах.

Знают все оленьи тропы,
словно линии руки,
в прошлом слуги и холопы,
ныне — вольные стрелки.
Здесь того, кто все теряет,
защитят и сберегут:
по лесной стране гуляет
славный парень — Робин Гуд!

И живут да поживают
всем запретам вопреки
и ничуть не унывают
эти вольные стрелки.
Спят, укрывшись звездным небом,
мох под ребра подложив.
Им, какой бы холод ни был, —
жив, и славно, если жив.

Но вздыхают от разлуки:
где-то дом и клочок земли,
да поглаживают луки,
чтоб в бою не подвели.
И стрелков не сыщешь лучших.
Что же завтра, где их ждут —
скажет первый в мире лучник
славный парень Робин Гуд!

БАЛЛАДА О ВРЕМЕНИ

Замок временем скрыт и укутан, укрыт
в нежный плед из зеленых побегов,
но... развяжет язык молчаливый гранит —
и холодное прошлое заговорит
о походах, боях и победах...

Время подвиги эти не стерло:
оторвать от него верхний пласт
или взять его крепче за горло —
и оно снова тайны отдаст!

Упадут сто замков, и спадут сто оков,
и сойдут сто потов с целой груды веков,
и польются легенды из сотен стихов —
про турниры, осады, про вольных стрелков

Ты к знакомым мелодиям ухо готовь
и гляди понимающим оком.
Потому что любовь — это вечно любовь,
даже в будущем вашем далеком

Звонко лопалась сталь под напором меча,
тетива от натуги дымилась,
смерть на копьях сидела, утробно урча,
в грязь валились враги, о пощаде крича,
победившим сдаваясь на милость.

Но не все, оставаясь живыми,
в доброте сохраняли сердца,
защитив свое доброе имя
от заведомой лжи подлеца.

Хорошо, если конь закусил удила
и рука на копье поудобней легла,
хорошо, если знаешь, откуда стрела,
хуже, если по-подлому — из-за угла.

Как у вас там с мерзавцами? Бьют? Поделом!
Ведьмы вас не пугают шабашем?
Но не правда ли, зло называется злом
даже там, в светлом будущем вашем.

И во веки веков, и во все времена
трус, предатель — всегда презираем.
Враг есть враг, и война все равно есть война,
и темница тесна, и свобода одна —
и всегда на нее уповаем!

Время эти понятия не стерло,
нужно только поднять верхний пласт —
и, дымящейся кровью из горла,
чувства вечные хлынут на нас!..

Ныне, присно, во веки веков, старина,—
и цена есть цена, и вина есть вина,
и всегда хорошо, если честь спасена,
если другом надежно прикрыта спина.

Чистоту, простоту мы у древних берем,
саги, сказки из прошлого тащим,
потому что добро остается добром —
в прошлом, будущем и настоящем!

Проделав брешь в затишье,
весна идет в штыки,
и высунули крыши
из снега языки.
Голодная до драки,
оскалилась весна,—
как с языка собаки,
стекает с крыш слюна.

Весенние армии жаждут успеха,
все ясно, и стрелы на карте прямы,
и воины в легких небесных доспехах
врубаются в белые рати зимы

Но рано веселиться:
сам зимний генерал
никак своих позиций
без боя не сдавал.
Тайком под белым флагом
он собирал войска —
и вдруг ударил с фланга
мороз исподтишка.

И битва идет с переменным успехом:
где свет и ручьи — где поземка и мгла,
и воины в легких небесных доспехах
с потерями вышли назад из котла.

Морозу ударить бы,
а он впадает в раж:
играет с вьюгой свадьбу,
не свадьбу — а шабаш!

Окно скрипит фрамугой —
то ветер перебрал,—
но он напрасно с вьюгой
победу пировал!

А в зимнем тылу говорят об успехах,
и наглые сводки приходят из тьмы,
но воины в легких небесных доспехах
врубаются клиньями в царство зимы.

Откуда что берется —
сжимается без слов
рука тепла и солнца
на горле холодов.
Не совершиться чуду:
снег виден лишь в тылах —
войска зимы повсюду
бросают белый флаг.

И дальше на север идет наступленье,
запела вода, пробуждаясь от сна,—
весна неизбежна — ну, как обновленье,
и необходима, как — просто весна.

Кто славно жил в морозы,
те не снимают шуб,
но ржаво льются слезы
из водосточных труб.
Но только грош им, нищим,
в базарный день — цена —
на эту землю свыше
ниспослана весна.

Два слова войскам: несмотря на успехи,
не прячьте в чулан или в старый комод
небесные легкие ваши доспехи —
они пригодятся еще через год!

Я НЕ УСПЕЛ

(Тоска по романтике)

*Болтаюсь сам в себе, как камень в торбе,
и силюсь разорваться на куски,
придав своей тоске значение скорби,
но сохранив загадочность тоски...*

Свет Новый не единожды открыт,
а Старый весь разбили на квадраты,
к ногам упали тайны пирамид,
к чертям пошли гусары и пираты.

Пришла пора всезнающих невежд,
все выстроено в стройные шеренги.
За новые идеи платят деньги,
и больше нет на «эврику» надежд.

Все мои скалы ветры гладко выбрили,
я опоздал ломать себя на них.
Все золото мое в Клондайке выбрали,
мой черный флаг в безветрии поник.

Под илом сгнили сказочные струги,
и могикан последних замели.
Мои контрабандистские фелюги
худые ребра сушат на мели.

Висят кинжалы хорошие в углу
так плотно в ножнах, что не втиснуть между.
Мой плот папирусный — последнюю надежду —
волна в щепы разбила об скалу.

Вон из рядов мои партнеры выбыли —
у них сбылись гаданья и мечты.
Все крупные очки они повыбили
и за собою подожгли мосты.

Азартных игр теперь наперечет,
авантюристов всех мастей и рангов...
По прериям пасут домашний скот,
там кони пародируют мустангов.

И состоялись все мои дуэли,
где б я почел участие за честь.
Там вызвать и явиться — все успели,
все предпочли, что можно предпочесть.

Спокойно обошлись без нашей помощи
все те, кто дело сделали мое.
И по щекам отхлестанные сволочи
бессовестно ушли в небытие.

Я не успел произнести «К барьеру!» —
а я за залп в Дантеса все отдам.
Что мне осталось — разве красть химеру
с туманного собора Нотр-Дам?!

В других веках, годах и месяцах
все женщины мои отжить успели,
позанимали все мои постели,
где б я хотел любить — и так, и в снах.

Захвачены все мои одра смертные —
будь это снег, трава иль простыня,—
заплаканные сестры милосердия
в госпиталях обмыли не меня.

Мои друзья ушли сквозь решето —
им всем досталась Лега или Прана,—
естественную смертью — никто,
все — противоестественно и рано.

Иные жизнь закончили свою —
не осознав вины, не скинув платья —
и, выкрикнув хвалу, а не проклятья,
спокойно чашу выпили сию.

Другие — знали, ведали и прочее...
Но все они на взлете, в нужный год —
отплавали, отпели, отпророчили...
Я не успел — я прозевал свой взлет!

МОЯ ЦЫГАНСКАЯ

В сон мне — желтые огни,
и хриплю во сне я:
«Повремени, повремени —
утро мудреннее!»
Но и утром все не так,
нет того веселья:
или куришь натошак,
или пьешь с похмелья.

В кабаках — зеленый штоф,
белые салфетки —
рай для нищих и шутов,
мне ж — как птице в клетке...
В церкви смрад и полумрак,
дьяки курят ладан...
Нет, и в церкви все не так,
все не так, как надо!

Я — на гору влопыхах,
чтоб чего не вышло,—
на горе стоит ольха,
под горою вишня.

Хоть бы склон увить плющом —
мне б и то отрада,
хоть бы что-нибудь еще...
Все не так, как надо!

Я — по полю вдоль реки:
света — тьма, нет бога!
В чистом поле васильки,
дальняя дорога.
Вдоль дороги — лес густой
с бабами-ягами,
а в конце дороги той —
плаха с топорами.

Где-то кони пляшут в такт,
нехотя и плавно.
Вдоль дороги все не так,
а в конце — подавно.
И ни церковь, ни кабак —
ничего не свято!
Нет, ребята, все не так,
все не так, ребята...

* * *

Дурацкий сон, как кистенем,
избил нещадно:
невнятно выглядел я в нем
и неприглядно —
во сне я лгал и предавал,
и льстил легко я...
А я и не подозревал
в себе такое!

Еще — сжимал я кулаки
и бил с натугой —
но мягкой кистью руки,
а не упругой...
Тускнело сновиденье, но
опять являлось.
Смыкались веки, и оно
возобновлялось.

Я не шагал, а семенял
на ровном бруссе —
ни разу ногу не сменил —
трусил и трусил;
я перед сильным лебезил,
пред злобным гнулся...
И сам себе я мерзок был,
но не проснулся.

Да это бред — я свой же стон
слыхал сквозь дрему!
Но — это мне приснился он,
а не другому.
Очнулся я — и разобрал
обрывок стона,
и с болью веки разодрал,
но облегченно!

И сон повис на потолке —
и распластался...
Сон в руку ли? И вот в руке
вопрос остался!
Я вымыл руки — он в спине
холодной дрожью!
...Чтоб было правдою во сне,
что было ложью?

Коль этот сон — виденье мне,—
еще везенье.
Но если было мне во сне
ясновиденье?..
Сон — отраженье мыслей дня?
Нет, быть не может!
Но вспомню — и всего меня
перекорежит.

Или — в костер! Вдруг нет во мне
шагнуть к костру сил,—
мне будет стыдно, как во сне,
в котором струсил.
Но скажут мне: «Пой в унисон,
жми что есть духу!..» —
и я пойму: вот это сон,
который в руку!

ДВЕ СУДЬБЫ

Жил я славно в первой трети —
Двадцать лет на белом свете,
по влечению.

Жил безбедно и при деле,
плыл куда глаза глядели —
по течению.

Думал: вот она, награда —
ведь ни веслами не надо,
ни ладонями...

Комары, слепни да осы
донимали, кровососы,
да не доняли!

Слышал, с берега вначале

мне о помощи кричали,
о спасении...
Не дождались, бедолаги:
я лежал, чумной от браги,
в расслаблении.
Крутанет ли в повороте,
завернет в водовороте —
все исправится.
То разуюсь, то обуюсь,
на себя в воде люблюсь —
очень ндравится!
Берега текут за лодку —
ну, а я ласкаю глотку
медовуюю.
После лишнего глоточку —
глядь: плыву не в одиночку —
со старухою.
И пока я удивлялся —
пал туман, и оказался
в гиблом месте я,
и огромная старуха
хохотнула прямо в ухо,
злая бестия.
Я кричу — не слышу крика,
не вяжу от страха лыка,
вижу плохо я,
на ветру меня качает...
«Кто здесь?» Слышу, отвечает:
«Я, Нелегкая!
Брось креститься, причитая,
не спасет тебя святая
Богородица!
Кто рули да весла бросит,
тех Нелегкая заносит —
так уж водится».
Я впотьмах ищу дорогу,

медовухи понемногу —

только по ступью.

А она не засыпает,
впереди меня ступает

тяжкой поступью.

Вот споткнулась о коренья,
от большого ожиренья

гнусно охая,

у нее одышка даже,
а заносит ведь туда же,

тварь нелегкая.

Вдруг навстречу нам — живая
колченогая Кривая —

морда хитрая.

«Ты,— кричит,— стоишь над бездной,
я спасу тебя, болезный,

слезы вытру я!»

Я спросил. «Ты кто такая?»

А она мне: «Я, Кривая.

Воз молвы везу».

И — хотя я кривобока,
криворука, кривоока,—

я, мол, вывезу...

Я воскликнул, наливая:

«Вывози меня, Кривая,

я на привязи.

Я тебе и жбан поставлю,
кривизну твою исправлю —

только вывези!

И ты, Нелегкая, маманя,
на-ка истину в стакане,

больно нервная!

Ты забудь себя на время,
ты же — толстая, в гареме

будешь первая!»

И упали две старухи

у бутылки медовухи
 в пьянь-истеричку.
Я пока за кочки прячусь,
озираюсь, задом пячусь
 прямо к берегу.
Лихо выгреб на стремнину —
в два гребка на середину.
 Ох, пройдоха я!
Чтоб вы сдохли, выпивая,
две судьбы мои — кривая
 да нелегкая!

* * *

Беда!
Теперь мне кажется, что мне не успеть
 за собой:
всегда
как будто в очередь встаю за судьбой...

Дела!
Меня замучили дела — каждый миг, каждый час,
 каждый день...

Дотла
сгорело время, да и я — нет меня,
 только тени!

Ты ждешь...
А может, ждать уже устал — и ушел
 или спишь...

Ну, что ж,—
быть может, мысленно со мной говоришь.

Теперь
ты должен вечер мне один подарить,
подарить —
поверь,
мы будем много говорить!..

Все время новые дела, у меня
все дела —
догнать,
или успеть, или найти . Нет, опять
не нашла!

Беда!
Теперь мне кажется, что мне не успеть
за собой —
всегда
последний в очереди — ты, дорогой!

Теперь
ты должен вечер мне один подарить,
подарить —
поверь,
мы будем только говорить.

Подруг
давно не вижу — все дела у меня,
все дела...

И вдруг
сгорели пламенем дотла — не дела,
а зола!

Весь год
он ждал, но больше ждать и дня
не хотел,—
и вот
не стало вовсе у меня добрых дел.

Теперь
ты должен вечер мне один подарить,
подарить —
поверь,
что мы не будем говорить

СЛУЧАЙ

Мне в ресторане вечером вчера
сказали с юморком и с этикетом,
что киснет водка, выдохлась икра
и что у них — ученый по ракетам.

И многих помня — с водкой пополам.
не разобрав, что плещется в бокале,
я, улыбаясь, подходил к столам,
и отзывался, если окликали.

Вот он — надменный, словно Ришелье,
как благородный папа в старом скетче ..
Но это был директор ателье
и не был засекреченный ракетчик.

Со мной гитара, струны к ней в запас,
и я гордился тем, что тоже в моде.
(К науке тяга сильная сейчас,
но и к гитаре тяга есть в народе.)

Я выпил залпом — и разбил бокал!
Мгновенно мне гитару дали в руки.
Я три своих аккорда перебрал,
запел и запил от любви к науке.

Я пел и думал: вот икра стоит,
а говорят, кеты не стало в реках..
А мой ученый где-нибудь сидит
и мыслит в миллионах и в парсеках...

И, обнимая женщину в колье
и сделав вид, что хочет в песни вжиться,
задумался директор ателье...
о том, что завтра скажет сослуживцам.

Он предложил мне позже на дому,
успев включить магнитофон в портфеле:
«Давай дружить домами». Я ему
сказал: «Давай: мой дом — твой Дом моделей».

И я нарочно разорвал струну,
и, утаив, что есть запас в кармане,
сказал: «Привет, зайти не премину,
но только — если будет марсианин...»

Я шел домой под утро, как старик.
Мне под ноги катились дети с горки,
и аккуратный первый ученик
шел в школу получать свои пятерки.

Ну что ж, мне поделом и по делам —
лишь первые пятерки получают!..
Не надо подходить к чужим столам
и отзываться, если окликают.

Мне судьба — до последней черты, до креста
спорить до хрипоты (а за ней — немота),
убеждать и доказывать с пеной у рта,
что — не то это вовсе, не тот и не та...

Что — лабазники врут про ошибки Христа,
что — пока еще в грунт не вляжалась плита,
что — под властью татар жил Иван Калита,
и что был не один, кто один — против ста.

Триста лет под татарами — жизнь еще та,
маета трехсотлетняя и нищета.
И намерений добрых, и бунтов тщета,
пугачевщина, кровь и опять — нищета.

Пусть не враз, пусть сперва не поймут ни черта,—
повторю, даже в образе злого шута!
Но — не стоит предмет, да и тема не та:
«Суета всех сует — все равно суета».

Только чашу испить — не успеть на бегу,
даже если разлить — все равно не смогу.
Или выплеснуть в наглую рожу врагу?..
Не ломаюсь, не лгу — не могу. Не могу!

На вертящемся гладком и скользком кругу
равновесье держу, изгибаюсь в дугу!
Что же с чашею делать?! Разбить — не могу!
Потерплю — и достойного подстерегу:

передам — и не надо держаться в кругу
и в кромешную тьму, и в неясную згу.
Другу передоверивши чашу, сбегу...
Смог ли он ее выпить — узнать не смогу.

Я с сошедшими с круга пасусь на лугу,
я о чаше невыпитой здесь ни гугу,—
никому не скажу, при себе сберегу,
а сказать — и затопчут меня на лугу...

Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу!
Может, кто-то когда-то поставит свечу
мне за голый мой нерв, на котором кричу,
и веселый манер, на котором шучу...

Даже если сулят золотую парчу
или порчу грозят напустить — не хочу!
На ослабленном нерве я не зазвучу —
я уж свой подтяну, подновлю, подвинчу!..

Лучше я загуляю, запью, заторчу,
все, что ночью кропаю,— в чаду растопчу,
лучше голову песне своей откручу —
но не буду скользить, словно пыль по лучу!

...Если все-таки чашу испить мне судьба,
если музыка с песней не слишком груба,
если вдруг докажу, даже с пеной у рта,—
я умру — и скажу, что не все суета!

Я НЕ ЛЮБЛЮ

Я не люблю фатального исхода,
от жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
когда веселых песен не пою.

Я не люблю холодного цинизма,
в восторженность не верю, и еще —

когда чужой мой читает письма,
заглядывая мне через плечо.

Я не люблю, когда наполовину
или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
я также против выстрелов в упор.

Я ненавижу сплетни в виде версий,
червей сомненья, почестей иглу,
или — когда все время против шерсти,
или — когда железом по стеклу.

Я не люблю уверенности сытой,
уж лучше пусть откажут тормоза.
Досадно мне, коль слово «честь» забыто
и коль в чести наветы за глаза.

Когда я вижу сломанные крылья,
нет жалости во мне, и неспроста:
я не люблю насилья и бессилья,
вот только жаль распятого Христа.

Я не люблю себя, когда я трушу,
и не терплю, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
тем более — когда в нее плюют.

Я не люблю манежи и арены:
на них мильон меняют по рублю,—
пусть впереди большие перемены,
я это никогда не полюблю.

Если где-то в глухой, беспокойной ночи
ты споткнулся и ходишь по краю —
не таись, не молчи, до меня докричи —
я твой голос услышу, узнаю.

Если с пульей в груди ты лежишь в спелой ржи —
потерпи: я спешу, и усталости ноги не чувят!
Мы вернемся туда, где и воздух и травы врачуют,—
только ты не умри, только кровь удержи!..

Если конь под тобой, ты домчи, доскачи —
конь дорогу отыщет буланный —
в те края, где всегда бьют живые ключи,—
и они исцелят твои раны.

Где же ты — взаперти или в долгом пути,
на каких ты сейчас перепутьях и перекрестках?!
Может быть, ты устал, приуныл, заблудился в трех
соснах —
и не можешь обратно дорогу найти?..

Здесь такой чистоты из-под снега ручьи —
не найдешь, не придумаешь краше!
Здесь цветы, и кусты, и деревья — ничьи:
стоит нам захотеть — будут наши!

Если трудно идешь — по колено в грязи
да по острым камням, босиком по воде по студеной —
пропыленный, обветренный, дымный, огнем опаленный —
хоть какой — доберись, добреди, доползи!..

КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
я коней своих нагайкой стегаю, погоняю!..

Что-то воздуху мне мало: ветер пью, туман глотаю...
Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть.
Что-то кони мне попались привередливые...
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
я куплет допою,—
хоть мгновенье еще постою
на краю...

Сгину я — меня пушинкой ураган сметет с ладони,
и в санях меня галопом повлекут по снегу утром,—
вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони,
хоть немного, но продлите путь к последнему приюту!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Не указчики вам — кнут и плеть.
Что-то кони мне попались привередливые...
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
я куплет допою,—
хоть мгновенье еще постою
на краю!..

Мы успели: в гости к Богу не бывает опозданий.
Что ж там ангелы поют такими злыми голосами?!
Или это колокольчик весь зашелся от рыданий,
или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь не лететь!
Что-то кони мне попались привередливые...
Коль дожить не успел, так хотя бы допеть!

Я коней напою,
я куплет допою,—
хоть мгновенье еще постою
на краю.

КОРАБЛИ

Корабли постоят — и ложатся на курс,
но они возвращаются сквозь непогоды...
Не пройдет и полгода — и я появлюсь,
чтобы снова уйти,
чтобы снова уйти на полгода.

Возвращаются все, кроме лучших друзей,
кроме самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все, кроме тех, кто нужней.
Я не верю судьбе,
я не верю судьбе, а себе еще меньше.

Но мне хочется верить, что это не так,
что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь — весь в друзьях и в мечтах...
Я, конечно, спою,
я, конечно, спою — не пройдет и полгода.

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты печатаются в соответствии с уже опубликованными, записанными в авторском исполнении на пластинках и магнитофонных лентах, а также в соответствии с текстами, любезно представленными издательству вдовой поэта Мариной Влади.

Сложность издания сборника заключалась в том, что автор не успел подготовить свою книгу к печати — составителю и издательству пришлось самим из многих вариантов одних и тех же стихотворений, строф и строк выбирать то, что наиболее характерно для творчества Высоцкого в целом.

При отборе текстов издательство стремилось представить читателям прежде всего Высоцкого-поэта.

Издательство сердечно благодарит отца поэта—Семена Владимировича Высоцкого за участие в работе над рукописью.

* * *

ПЕСНЯ ПЕВЦА У МИКРОФОНА (с. 13). Рефрен «Бьют лучи» повторяется после каждой четной строфы.

ВЫСОТА (с. 21) Из кинофильма «Я родом из детства».

«МЕРЦАЛ ЗАКАТ, КАК БЛЕСК КЛИНКА.» (с. 22). Из кинофильма «Вертикаль».

РАССТРЕЛ ГОРНОГО ЭХА (с. 24). Написана для кинофильма «Единственная дорога».

РАЗВЕДКА БОЕМ (с. 25). Надя с шоколадом — так во время войны наши бойцы называли немецкий реактивный минамет

ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ (с. 27). Из кинофильма «Сыновья уходят в бой», использована в кинофильме «Мерседес» уходит от погоня».

ЗВЕЗДЫ (с. 28). Использована в кинофильме «Я родом из детства».

ПЕСНЯ О ГОСПИТАЛЕ (с. 29). Написана для кинофильма «Я родом из детства».

ПЕСНЯ О НОВОМ ВРЕМЕНИ (с. 30). Из кинофильма «Война под крышами».

- АИСТЫ (с. 31). Из кинофильма «Война под крышами».
- ПЕСНЯ ЛЕТЧИКА (с. 33). Использована в спектакле Московского театра им. М. Н. Ермоловой «Звезды для лейтенанта».
- «Я ПОЛМИРА ПОЧТИ ЧЕРЕЗ ЗЛЫЕ БОИ...» (с. 37). Из кинофильма «Одинокды один».
- ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ (с. 38). Из кинофильма «Сыновья уходят в бой».
- СЫНОВЬЯ УХОДЯТ В БОЙ (с. 39). Из кинофильма «Сыновья уходят в бой».
- МЫ ВРАЩАЕМ ЗЕМЛЮ (с. 40). Использована в спектакле Московского театра драмы и комедии на Таганке «Пристегните ремни!»
- БЕЛЫЙ ВАЛЬС (с. 42). Написана для кинофильма «Точка отсчета». После строки «...а ты был бел, бледнее степ, белее вальса» повторяется рефрен «Ты внешне спокоен...».
- МЫ ВАС ЖДЕМ (с. 44). Использована в кинофильме «Точка отсчета». После строки «...я навязли в зубах» повторяется рефрен «Мы вас ждем — торопите коней...».
- БРАТСКИЕ МОГИЛЫ (с. 47). Из кинофильма «Я родом из детства».
- К ВЕРШИНЕ (с. 50). Написана для кинофильма «Белый взрыв».
- ГОРНАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ (с. 51). Написана для кинофильма «Белый взрыв», в переработанном (морском) варианте использована в кинофильме «Ветер надежды».
- ПЕСНЯ О ДРУГЕ (с. 52). Из кинофильма «Вертикаль».
- ВЕРШИНА (с. 53). Из кинофильма «Вертикаль».
- ПРОЩАНИЕ С ГОРАМИ (с. 55). Из кинофильма «Вертикаль».
- «ЗАКАЗАНА ПОГОДА НАМ УДАЧЕЮ САМОЙ...» (с. 56). Из кинофильма «Ветер надежды».
- «МЫ ГОВОРИМ НЕ «ШТОРМЫ» А «ШТОРМА...» (с. 57). Из кинофильма «Ветер надежды».
- ПИРАТСКАЯ (с. 59). Рефрен «Ловите ветер всеми парусами...» повторяется после каждой строфы, за исключением последней.
- О ЗНАКАХ ЗОДИАКА (с. 63). Из рекламного кинофильма «Знаки зодиака».
- ПЕСНЯ КЭРРОЛЛА (с. 66). «Из дискоспектакля «Алиса в стране чудес».
- ПЕСНЯ АЛИСЫ (с. 68). Из дискоспектакля «Алиса в стране чудес».
- В МОРЕ СЛЕЗ (с. 69). Из дискоспектакля «Алиса в стране чудес».

ПЕСНЯ МЫШИ (с. 70). Из дискоспектакля «Алиса в стране чудес».

ПЕСНЯ ЛЯГУШОНКА ДЖИММИ И ЯЩЕРКИ БИЛЛИ (с. 71). Из дискоспектакля «Алиса в стране чудес».

ПЕСНЯ ПОПУГАЯ (с. 71). Из дискоспектакля «Алиса в стране чудес».

КУПЛЕТЫ НЕЧИСТИ (с. 73). Написаны для кинофильма «Иван да Марья».

СКОМОРОХИ НА ЯРМАРКЕ (с. 74). Написана для кинофильма «Иван да Марья», использована в кинофильме «Туфли с золотыми пряжками».

ПЕСНЯ МАРЬИ (с. 79). Написана для кинофильма «Иван да Марья».

ИВАН ДА МАРЬЯ. (с. 80). Написана для кинофильма «Иван да Марья».

КЛИЧ ГЛАШАТАЕВ (с. 80). Из кинофильма «Иван да Марья». Первая строфа поется от имени царя, вторая — от имени глашатаев, третья — от имени сватов-адъютантов.

ЧАСТУШКИ (с. 81). Из кинофильма «Иван да Марья».

СЕРЕНАДА СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИКА (с. 82). Из кинофильма «Иван да Марья».

СВАДЕБНАЯ (с. 84). Написана для кинофильма «Иван да Марья», использована в кинофильме «Туфли с золотыми пряжками».

ПЕСНЯ О ПЕТРОВСКОЙ РУСИ (с. 100). Написана для кинофильма «Сказ про то, как царь Петр арапа женил».

ПОЖАРЫ (с. 103). Написана для кинофильма «Забудьте слово «смерть».

«О ВКУСАХ НЕ СПОРЯТ — ЕСТЬ ТЫСЯЧА МНЕНИЙ...» (с. 105). Из кинофильма «Последний жулик».

МОСКВА—ОДЕССА (с. 106). Использована в спектакле Московского театра сатиры «Последний парад».

«Я ВСЕ ВОПРОСЫ ОСВЕЩУ СПОЛНА...» (с. 108). Рефрен «Да нет! Живу не возле «Сокола...» повторяется после каждой четной строфы.

«ТАК ДЫМНО, ЧТО В ЗЕРКАЛЕ НЕТ ОТРАЖЕНЬЯ...» (с. 140). После строки «...и память не может согреть в холода» повторяется рефрен «Все нужные ноты давно сыграли...»

ДОРОЖНАЯ ИСТОРИЯ (с. 148). Написана для кинофильма «Рейс первый — рейс последний».

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО (с. 150). Написана для кинофильма «Антрацит».

ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК (с. 158). Использована в кинофильме «Точка отсчета».

ХОЛОДА (с. 161). Из кинофильма «Я родом из детства».

БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ (с. 166). Из кинофильма «72⁰ ниже нуля».

ДАЛЬНИИ ВОСТОК (с. 167). Из кинофильма «Внимание, цунами!». Рефрен «Ждешь с нетерпением ответ ты...» повторяется после каждой строфы, за исключением последней.

ЛИРИЧЕСКАЯ (с. 168). Из спектакля Московского театра «Современник» «Свой остров».

«ЗАПОМНЮ, ОСТАВЛЮ В ДУШЕ ЭТОТ ВЕЧЕР...» (с. 170). Написана для кинофильма «Неизвестный, которого все знали».

РОМАНС (с. 171). Из кинофильма «Одна из нас», использована в спектакле Московского театра драмы и комедии на Таганке «Преступление и наказание».

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ (с. 175). Написана для кинофильма «Стрелы Робин Гуда».

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В АФРИКЕ (с. 178). Написана для кинофильма «Мой папа — капитан», использована в спектакле Московского театра «Современник» «Свой остров». Рефрен «Поднялся галдеж и лай...» повторяется после каждой строфы, за исключением последней.

ПЕСНЯ О КОРОТКОМ СЧАСТЬЕ (с. 181). Написана для кинофильма «Стрелы Робин Гуда».

ПОГОНЯ (с. 182). Из кинофильма «Единственная».

«МЫ ВЕРНЫЕ. ИСПЫТАННЫЕ КОНИ...» (с. 185). Стихотворение представляет собой вступление к задуманной автором поэме о лошадях

«КТО-ТО ВЫСМОТРЕЛ ПЛОД, ЧТО НЕСПЕЛ...» (с. 186). Написана для кинофильма «Бегство мистера Мак-Кинли».

БАЛЛАДА О БОРЬБЕ (с. 203). Написана для кинофильма «Стрелы Робин Гуда».

БАЛЛАДА О ВОЛЬНЫХ СТРЕЛКАХ (с. 205). Написана для кинофильма «Стрелы Робин Гуда».

БАЛЛАДА О ВРЕМЕНИ (с. 207). Написана для кинофильма «Стрелы Робин Гуда».

МОЯ ЦЫГАНСКАЯ (с. 213). Использована в спектакле Московского театра сатиры «Последний парад».

Я НЕ ЛЮБЛЮ (с. 224). Из спектакля Московского театра «Современник» «Свой остров».

«ЕСЛИ ГДЕ-ТО В ГЛУХОЙ, НЕСПОКОЙНОЙ НОЧИ...» (с. 226). Написана для кинофильма «Единственная дорога».

КОРАБЛИ (с. 228). Использована в спектакле Московского театра сатиры «Последний парад».

Примечания подготовил А. Е. КРЫЛОВ.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Владимир Семенович Высоцкий (1938—1980) родился в Москве. Учился в инженерно-строительном институте (ушел с первого курса), затем — в школе-студии МХАТа (окончил в 1960 году). Работал в столичных театрах — в Театре имени Пушкина, Театре миниатюр. С 1964 года — в театре на Таганке. Снимался в кино, сыграл более двадцати пяти ролей.

Произведения Владимира Высоцкого использованы во многих фильмах, спектаклях, записаны на грампластинки, транслировались по радио и телевидению, публиковались в «Дне поэзии», «Литературной газете», «Советской России» и других изданиях.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Песня певца у микрофона	13

МЫ ВРАЩАЕМ ЗЕМЛЮ

Из дорожного дневника	16
О моем старшине	19
Черные бушлаты	20
Высота	21
«Мерцал закат, как блеск клинка..»	22
Расстрел горного эха	24
Разведка боем	25
Он не вернулся из боя	27
Звезды	28
Песня о госпитале	29
Песня о новом времени	30
Аисты	31
Песня летчика	33
Песня самолета-истребителя	35
«Я полмира почти через злые бои...»	37
Песня о Земле	38
Сыновья уходят в бой	39
Мы вращаем Землю	40
Белый вальс	42
Мы вас ждем	44
Песня о конце войны	46
Братские могилы	47

ЗНАКИ ЗОДИАКА

К вершине	50
Горная лирическая	51
Песня о друге	52

Вершина	53
Прощание с горами	55
«Заказана погода нам удачею самой...»	56
«Мы говорим не «штормы», а «шторма»	57
Пиратская	59
«Упрямо я стремлюсь ко дну...»	60
О знаках зодиака	63

КЛИЧ ГЛАШАТАЕВ

Песня Кэрролла	66
Песня Алисы	68
Падение Алисы	69
В море Слез	—
Песня Мыши	70
Песенка Лягушонка Джимми и Ящерики Бил- ли	71
Песня Попугая	—
Куплеты нечисти	73
Скоморохи на ярмарке	74
Песня Марьи	79
Иван да Марья	80
Клич глашатаев	—
Частушки	81
Серенада Соловья-разбойника	82
Свадебная	84
Беда	85
Песня про нечисть	86

КАЛЕЙДОСКОП

Семья в каменном веке	90
Семейные дела в Древнем Риме	91
Про любовь в средние века	93
Антиклерикальная	94

Игра в карты в двенадцатом году	96
«Оплавляются свечи на старинный паркет...»	99
Песня о петровской Руси	100
«Как по Волге-матушке, по реке кормилице...»	102
Пожары	103
«О вкусах не спорят — есть тысяча мнений...»	105
Москва — Одесса	106
«Я все вопросы освещу сполна...»	108
Тау Кита	109
О переселении душ	111
«Один музыкант объяснил мне пространно...»	113

СПОРТ-СПОРТ

Про конькобежца на короткие дистанции, ко- торого заставили бежать на лыжную	116
Вратарь	117
Честь шахматной короны	
Подготовка	120
Игра	122
Вес взят	125

ЗАНОЗЫ

Баллада о бане	128
«И вкусы и запросы мои странны...»	129
Диалог у телевизора	131
Милицейский протокол	134
«Не берись, коль не умеешь...»	136
Песня завистника	137
Песня автомобилиста	138
«Так дымно, что в зеркале нет отраженья...»	140
«Не впадай ни в тоску, ни в азарт ты...»	141
Случай в ресторане	—
«Зарыты в нашу память на века...»	143

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО

Дальний рейс	146
Дорожная история	148
Черное золото	150
Песня студентов-археологов	152
Тюменская нефть	153
«Лошадей двадцать тысяч в машины зажа- ты...»	156
Затяжной прыжок	158
Холода	161
«Кто старше нас на четверть века, тот...»	162
Канатоходец	163

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

Белое безмолвие	166
Дальний Восток	167
Лирическая	168
«День-деньской я с тобой, за тобой. »	169
«Запомню, оставлю в душе этот вечер...»	170
Романс	171
Она была в Париже	172
«Мне каждый вечер зажигают свечи...»	173
«Люблю тебя сейчас не тайно — напоказ...»	—
Баллада о Любви	175

БЕГ ИНОХОДЦА

Что случилось в Африке	178
Песня про мангустов	179
Песня о коротком счастье	181
Погоня	182
«Мы верные, испытанные кони...»	185
Бег иноходца	186

Козел отпущения	188
Охота с вертолетов	190

МОЙ ГАМЛЕТ

«Водой наполненные горсти...»	194
Мой Гамлет	196
«Кто-то высмотрел плод, что неспел...»	198
Маски	201
Баллада о борьбе	203
Баллада о вольных стрелках	205
Баллада о времени	207
«Проделав брешь в затишье...»	209
Я не успел	211
Моя цыганская	213
«Дурацкий сон, как кистенем, избил нещадно...»	214
Две судьбы	216
«Беда! Теперь мне кажется, что мне не успеть...»	219
Случай	221
«Мне судьба — до последней черты, до креста...»	223
Я не люблю	224
«Если где-то в глухой, беспокойной ночи...»	226
Кони привередливые	227
Корабли	228
Примечания	229
Коротко об авторе	233

**Владимир Семенович
ВЫСОЦКИЙ**

Н Е Р В

Стихи

Редактор

З. П. Николаева, Л. М. Кубашина

Художник

В. М. Шишов

Художественный редактор

Г. С. Самсонова

Технический редактор

Л. Н. Кондрашкина

Корректор

А. И. Елисина

НБ 2407

Сдано в набор 25.10.88. Подписано к печати 04.09.90.
Формат 70×90^{1/2}. Бумага офс. № 2 книжно-журнальная.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,78.
Усл. кр. отт. 8,92. Условно-изд. л. 9,23. Тираж 80 000 экз.
Заказ № 13. Изд. № 16. Цена 3 руб. 50 коп.

Чувашское книжное издательство,
428000, Чебоксары, пр. Ленина, 4.
Типография № 1 Государственного комитета
Чувашской АССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли, 428019, Чебоксары,
пр. Ивана Яковлева, 15.

Высоцкий В. С.

В 93 Нерв: Стихи.— Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990.— 238 с.

Стихи и песни В. Высоцкого не нуждаются в особом представлении. Ими наполнены городские многоэтажки и сельские клубы, они звучат над огромными стройками и маленькими полярными станциями. У Высоцкого и его творчества много истинных друзей и среди ветеранов войны и среди молодежи. Его любит народ, ради которого он работал и для которого жил.

ББК 84Р7-5

ISBN 5-7670-0139-1

МЫ ВРАЩАЕМ ЗЕМЛЮ

ЗНАКИ ЗОДИАКА

КЛИЧ ГЛАШАТАЕВ

КАЛЕЙДОСКОП

СПОРТ-СПОРТ

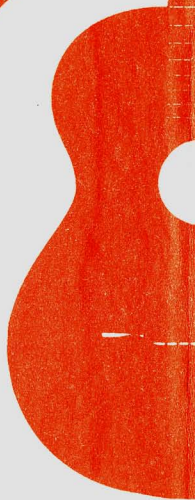
ЗАНОЗЫ

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

БЕГ ИНОХОДЦА

МОЙ ГАМЛЕТ

Владимир
ВЫСОЦКИЙ

1973